Дарья Кузнецова

Проблемы узурпатора

18+

Дарья Кузнецова

Проблемы узурпатора

«Автор»
2026

Кузнецова Д.

Проблемы узурпатора / Д. Кузнецова — «Автор», 2026

Для одних людей власть — это цель, для других — всего лишь необходимый инструмент.Генерал Рауль Браво де Кастильо никогда не мечтал надеть королевскую корону, и жениться на юной принцессе Альбе он не желал. Но что такое желания одного человека, когда на кону благополучие страны?Двух человек, потому что принцесса от неожиданного брака тоже не в восторге. Ну и что, что жених молод, благороден и хорош собой? Он негодяй и узурпатор! И быть королевой она не хочет — это слишком скучно и сложно.Или всё, что делается, и впрямь — к лучшему? И из одного вынужденного брака и одного тихого государственного переворота может выйти что-то настоящее...ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.

© Кузнецова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Боевая задача 6
Часть 1. Перед боем 11
Глава 1. Выход на позиции 11
Глава 2. Арьергард и обозы 22
Глава 3. Боевой порядок 38
Глава 4. Разведка наблюдением 48
Г 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Дарья Кузнецова
Проблемы узурпатора

Пролог. Боевая задача

Гостиная когда-то была хороша и уютна. Оставалась бы такой и сейчас, если бы не ощущение запустения, которое буквально пропитало стены и от которого потускнели светло-зелёные обои, крепкая мебель казалась унылой и рассохшейся, а люстра над головой светила вполсилы — артефакты в ней были на грани истощения.

Восемь мужчин в чёрных мундирах, которые собрались здесь, казались в такой атмосфере зловещими призраками. Хотя золотые аксельбанты, эполеты и пуговицы никуда не делись, но блистать они были готовы в других интерьерах, а не за пустым столом, лишённым скатерти несколько лет назад.

Сидели вокруг стола кто как. Кто-то вольно развалился на удобном стуле с подлокотниками, кто-то тяжело опирался локтями на стол, кто-то сидел с прямой спиной и печатью спокойствия на лице. Но в воздухе отчётливо ощущалась нервозность: все прекрасно понимали, что повод для встречи невесёлый, пусть мало кто знал его точно.

Хозяин дома знал. Генерал Рауль Браво де Кастильо единственный не сидел у стола, а стоял, облокачиваясь на спинку стула. Самый молодой из всех, он тем не менее заслужил уважение товарищей личной доблестью, поразительным чутьём и умением быстро принимать сложные решения. Поэтому тому, что собрал их именно он и именно теперь, не удивился никто.

— Почтенные сеньоры, как вы находите вчерашний приём у короля? Довольны ли полученной наградой? Восхищены ли блеском двора?

— Кастильо, хватит ёрзать, как юная проститутка под первым клиентом, давай к делу! — оборвал его генерал Октавио Торрес де Нинья, тучный и одышливый почти лысый мужчина неопределённого возраста, мундир на котором сидел кое-как. Он заведовал обозами и снабжением, и ценили его за умение обеспечить войску достойное существование в любых условиях. Как — не понимал никто, но восхищались. — Все знают, что эта старая крыса предпочла бы всплакнуть над нашими гробами, а взамен пришлось бросать псам тухлые кости. Да не дождётся, у нас желудки лужёные! — бодро закончил он и громогласно рыгнул.

Кто-то тихо усмехнулся, хозяин дома — кривовато улыбнулся в ответ.

— Зато ты, Торрес, прямолинеен, как старая маркитантка, — отозвался он. — Ну извини, у меня такого опыта пока нет!

— Ладно, пошутили — и будет, — оборвал их негромкий старческий голос. — Мне никогда не нравилась манера речи Октавио, но по сути я согласен. Я вижу, как ты нервничаешь, Рауль, и от этого мне тоже не по себе. Пожалей старика, давай без обходных манёвров.

Старый кавалерист Мануэль Рамос де Вега в свои годы едва ходил, высох до одного скелета, но в седле до сих пор держался как приклеенный. Он был свято уверен, что погибнет в бою, но, кажется, упустил последнюю такую возможность. О чём искренне сожалел, однако с фатализмом истово верующего человека принимал возложенный на него небесами долг. В этой маленькой команде он был негласным лидером и пользовался непререкаемым авторитетом благодаря своей мудрости и громадному опыту.

— К делу. Вот дело. — Рауль бросил на стол нетолстую папку без каких-либо надписей на ней, которую до сих пор держал обеими руками. — Хорхе любезно поделился документами. — Он коротко кивнул в сторону мужчины, сидевшего по правую руку. — Объяснишь?

— Нет уж, ты взял на себя роль докладчика, ты и говори. А то вдруг кто-нибудь вспомнит, что раньше гонцов, приносящих дурные вести, казнили? — криво усмехнулся тот.

Генерал Хорхе Флорес Феррер отвечал за армейскую разведку во всех её проявлениях и делал это, несмотря на молодость, хорошо. Он был всего на пару лет старше Рауля, эти двое

сдружились ещё в бытность лейтенантами и, хотя служили отдельно и в разных местах, умудрились и дружбу сохранить, и карьеру сделать удивительно похожую.

— Спасибо, друг, за благородство и доброту, — с отчётливой иронией коротко поклонился хозяин дома. — Если кто-то желает, можете ознакомиться подробнее. Если коротко, Алехандро — не сын династии Бланко. Информацию эту удалось перехватить, но слухи уже гуляют, и мы добились только небольшой отсрочки.

— Это точная информация? — хмурясь, спросил Мануэль.

— Всё проверено, и не один раз. Если чуть вдаться в подробности… Не секрет, что покойная королева не ладила с его величеством изначально, и со временем размолвка крепла. Оказывается, не ладили они настолько, что королева много лет не допускала его в свои покои, впрочем, старина Федерико вроде и не переживал по этому поводу. Первенца она прижила от тогдашнего камердинера мужа. За что бедолага заплатил жизнью. Всё это время правду скрывали с помощью амулета на крови, который остроумно сделали из нательного креста. Сначала покойная королева, потом сам Алехандро. Когда правда всплывёт… За связь с чёрным артефактором, подобное святотатство и ритуалы на крови его растерзает толпа, а все бывшие соратники сделают вид, что они незнакомы.

— А принцесса Альба? — нарушил повисшее тугое, тяжёлое молчание кто-то ещё, но с одинаковым вопросом в глазах на хозяина дома уставились почти все.

— Принцесса Альба — плод насилия, — проговорил вместо него Мануэль. — Эту историю и так многие знают, я в некотором роде был свидетелем. Уж что ему взбрело в голову — неизвестно, но Федерико тогда решил востребовать супружеский долг, вломился к королеве в спальню. Господу было угодно благословить это… свидание дочерью. Я полагаю, именно поэтому Альбу король искренне любит и балует, а к наследнику и первенцу всегда был холоден. Но продолжай, Рауль. Не будем ломать традицию.

Послышались разрозненные невесёлые смешки. Рауль в этой сплочённой компании зачастую озвучивал то, что все понимали, но никто не набирался решимости сказать. И он же предлагал выход, на который другие не могли решиться. Сдать крепость. Провернуть настоящую аферу и малыми силами ударить в спину противника. Перебросить войско там, где это казалось невозможным. С трёхдневного марша вступить в бой.

И что самое странное, почти все эти парадоксальные решения приводили к успеху. За три года войны у всех уже сложилось суеверное мнение, что если выход предложит именно генерал Браво де Кастильо, тот обязательно будет правильным.

— Ну что ж, как скажешь, дон Мануэль. Все мы понимаем, что с обнародованием этой информации Бастия затрещит по швам.

— Можно подумать, она сейчас этого не делает, — тихо проворчали сбоку.

— Сейчас трещит, а после такого её порвёт на десяток провинций и полсотни мелких делянок, — в свойственной ему манере возразил Торрес. — Стоило ради такого задницу на три части рвать, а?

— И опять Октавио исключительно точен, — вздохнул Рауль. — Мне неприятно это говорить, но его величество определённо не способен удержать страну. Он и сейчас этим не занимается, а члены Совета больше обеспокоены собственными личными владениями и кошельками. И я, честно говоря, не вижу другого выхода и других желающих сохранить сейчас Бастию целой, кроме здесь присутствующих. Мы пролили достаточно пота и крови, чтобы выиграть эту войну, и никому из нас не хочется, чтобы жертвы оказались напрасными. Поэтому спрошу прямо, и если среди нас есть крысы — я по крайней мере не увижу, чем всё это закончится, — он усмехнулся. — Как вы смотрите на то, чтобы закончить одну большую победоносную войну одним маленьким государственным переворотом?

Смешки и шуточки посыпались сразу. Когда прозвучали самые страшные слова, все одновременно вздохнули с облегчением: молния ударила, напряжение спало. А терять после

того, как цель собрания прозвучала, им и вовсе было нечего. Тут либо в руках меч, либо голова с плеч.

Желающих покинуть собрание не нашлось.

Часа два шло бойкое обсуждение что и как делать, откуда можно ждать основных проблем, как половчее обнародовать попавшие в руки доказательства и как договариваться с церковью. Последнее предсказуемо взял на себя отец Серхио, носивший высокое звание предводителя Войска Господня и такой же чёрный мундир, как остальные генералы. Он командовал войсковыми клириками — и псами-ищейками, и мечами, и щитами, и целителями.

— Церковь не примет казни короля, — по обыкновению тихим, усыпляющим голосом заговорил отец Серхио, худощавый, бритый налысо мужчина неопределённого возраста. В мундире он смотрелся куда естественней, нежели в сутане, да и чувствовал себя — тоже. — Но если мы отправим его величество в почётную ссылку в удалённый монастырь под её крыло, это поможет задобрить Первосвященника. Церкви тоже выгодна сильная Бастия, иначе её, как и нас всех, поглотит кто-то из соседей. Есть один нюанс. Принцесса Альба. Мы с поразительным единодушием обходили в обсуждениях её судьбу.

— Потому что это самый щекотливый вопрос, как ни странно, — с усмешкой проговорил Мануэль. — Федерико стар и болен, он не сможет произвести на свет нового наследника, что давно известно и что может подтвердить любой целитель. Алехандро, как мы узнали, не Бланко по крови, и это тоже подтвердят клирики, притом с удовольствием. Церковь не любит, когда её водят за нос, да ещё такими средствами, — он кивнул на папку. — Но Альба — законная дочь и законная наследница. Если мы отодвинем её от трона, ни к чему хорошему наши попытки навести порядок не приведут. И соседи, и народ, при всей эйфории победы и любви к нам армии, не поймут такого грубого захвата власти. И непременно попытаются использовать её как знамя для собственного воцарения. А убивать… Признаться, мне искренне жаль девочку, она ни в чём не виновата. Да и мы — солдаты, а не убийцы. Поэтому напрашивается единственный выход: нужен толковый консорт. Рауль?

— Что — Рауль? — хмуро уточнил хозяин дома, который давно уже занял своё место за столом и теперь исподлобья глядел на Рамоса де Вегу, прекрасно понимая, к чему тот клонит. И понимая, что он прав.

— Из здесь присутствующих и, значит, единственно достойных доверия, холостых четверо. Я понимаю, что кому-то может показаться заманчивым избавиться от старой надоевшей жены и заменить её молодой принцессой. — Он с насмешливой улыбкой обвёл присутствующих взглядом, кое-кто заулыбался, Октавио пошло хохотнул. — Но такого не одобрит ни церковь, ни народ. Из четверых… Я старик, который давно готов отправиться на суд божий, отец Серхио принял обет безбрачия. Остаёшься ты и Хорхе. Ты лучше, потому что из старого дворянского рода, который пусть и пришёл в упадок, и потерял все земли, но древностью и чистотой крови даже без особых обстоятельств вполне годился бы в мужья принцессе. Падре?

— Подтверждаю, — коротко кивнул тот. — При всём моём уважении к Хорхе и любви к хорошему мёду, сын пасечника не лучшая фигура для трона, то ли дело — род твоего отца, Браво, а больше — род матери, Кастильо, состоящий в пусть и дальнем, но обозримом родстве с Первосвященником. Это небольшой, но приятный для него аргумент. К тому же ты южанин из Андалии, и это наверняка понравится всему южному дворянству, которое давно мечтает посадить кого-нибудь своего на место Бланко. Впрочем, если Хорхе горит желанием…

— Нет-нет, благодарю покорно! — расхохотался тот. — Я, как сын пасечника, предпочту лет через десять жениться на премиленькой молочнице или лучше дочке пекаря, оно как-то спокойнее. Не кисни, дружище! — он хлопнул сидящего рядом мрачного Рауля по плечу. — Видел же, принцесса юна, свежа и хороша собой, чего тебе ещё надо? Не мне тебя учить женщин очаровывать!

— Ты действительно думаешь, что принцесса охотно падёт в объятья того, кто силой притащит её к алтарю? — угрюмо спросил Рауль. — А насилие… Ты извини, но на такое я даже ради блага Бастии не смогу пойти. Телу не прикажешь.

— Ну есть же всякие средства на такой случай…. Ладно-ладно, молчу, это просто неудачная шутка! — поспешил заверить он, поймав зверский взгляд друга.

— Меня, как священника, безусловно радует такая твоя добродетельность, мой друг, — с тонкой улыбкой заговорил Серхио, вмешиваясь в перепалку и одним своим тихим голосом легко остужая горячие головы. Он взялся опекать Хорхе ещё шесть лет назад, четыре — Рауля и давно уже стал для обоих другом. — Но вы оба сгущаете краски. Расторгнуть брак из-за его бездетности можно только через пять лет, а это долгий срок, и проверять, как именно исполняется супружеский долг, никто не посмеет. Господь заповедовал, что таинство, происходящее в брачном алькове, касается двоих и Бога, который есть в их любви.

— Прекрасно. Пять лет с врагом под одной крышей, — проворчал Рауль, непонятно, кого в большей мере имея в виду, себя или принцессу.

— Принцесса Альба юна, не испорчена мужским вниманием, о чём отдельно позаботился её отец, а весомого повода для ненависти у неё не будет, — спокойно продолжил Серхио. — Казнь отца она бы, скорее всего, не сумела простить, но почётная ссылка в тихий монастырь — это совсем другое. А с братом они никогда не были близки, и скорбеть о нём принцесса не станет, их встречи за всю жизнь можно пересчитать по пальцам одной руки. Ты же… Уж насколько я далёк от мирских страстей, но даже я прекрасно знаю, что до войны ты не жил монахом и в женщинах недостатка не знал. Вот и примени полученный опыт к делу, прояви терпение и фантазию, очаруй её. А всё остальное — в руках божьих.

— И хватит нос воротить! — поддержал с ухмылкой Октавио. — Можно подумать, ему старуху какую-нибудь трахнуть предлагают! А тут настоящую принцессу, красавицу вон какую, в жёны, а он недоволен!

Рауль в ответ на это только недовольно скривился. Требовать от Торреса тактичности в формулировках бесполезно, все знакомые уже давно перестали пытаться, а по сути… По сути возразить было нечего. И хотя принцесса, которую он вчера видел и с которой успел потанцевать, безусловно была весьма хороша собой, перспектива эта не очень-то радовала.

Он понимал, что вариантов нет, и смирился с таким вероятным исходом заранее. Но это не помогало радоваться скоропалительной женитьбе, кем бы ни была потенциальная невеста. Он, как и Хорхе, предпочитал отложить этот решительный шаг на неопределённое будущее.

— Ты так много о ней знаешь, как будто успел подготовиться, — предпочёл он немного сменить тему, опять обратившись к отцу Серхио.

— Я знаю принцессу с пяти лет, её духовник — член моего ордена, мой бывший наставник и нынешний хороший друг.

— Духовник принцессы — клирик? — удивился Рауль.

— У её высочества открылся дар целительницы, ты разве не знал? — в свою очередь удивился падре. — Это не афишируется, но и не скрывается. В пять лет оказалось, что на ней особое божье благословение. Поскольку забрать принцессу крови в орден на обучение было невозможно, братья решили обучить её так. Если Господь дал такой дар, то не позволить ему прорасти — святотатство. К тому же запретный плод сладок, и кто знает, что могло вырасти из изначально благословенного семени под тлетворным воздействием и без божественного наставления? У принцессы есть свой зверинец, она любит возиться с животными, дар применяет к обитателям своего крыла дворца и практикуется в королевском госпитале. Она гордая, упрямая девушка, избалованная, но добрая и сострадательная. Её любят слуги и народ.

— Прекрасно! — Рауль опять тяжело вздохнул. Приведённое описание, конечно, было лучше «заносчивой стервы», но всё равно мало подходило идеальной, с его точки зрения, жене. Но спорить он уже не пытался. — Значит, можно рассчитывать на помощь духовника?

— Не думаю, — озадачил его Серхио и с лёгкой улыбкой пояснил: — Старик упрям и не поверит на слово даже мне. Вернее, он поверит в наши добрые намерения, не станет чинить препятствий, но и помощь от него ты сможешь заслужить лишь поступками. Если он увидит, что ты достоин доверия и можешь стать хорошим мужем его подопечной, тогда — поможет.

— То есть очаровать мне надо не только взбалмошную избалованную девчонку, но ещё и сварливого упрямого старика? — мрачно уточнил хозяин дома. — Словами не передать, как я счастлив!

— Кровь, жизнь и душу, Рауль, — тихо напомнил Мануэль слова присяги, и спор на этом увял. В конце концов, что спорить о будущем этого нелепого брака, если до него дело может так и не дойти?

Часть 1. Перед боем

Глава 1. Выход на позиции

— Да чтоб черти на сковороде… — возмущённо прорычала разозлённая принцесса.

— Альба! — строго окликнул духовник.

— Простите, падре, — буркнула она, перекрестилась, но никакого раскаяния в голосе не прозвучало.

Принцесса мерила шагами будуар, каблучки звонко и гневно цокали по паркету. Больше всего ей хотелось что-нибудь разорвать или разбить, но вряд ли присутствующие в комнате позволили бы. Оставалось метаться, словно зверю в клетке.

— Чтоб они провалились, эти мужланы! — нашла она приличные слова. — Да как они смели! Нет. Чтоб их затоптали собственные кони! Впрочем, нет, благородные животные-то в чём виноваты. Нет, чтоб им…

— Альбитта, милая, но ведь всё не так ужасно! Да, брак уж больно быстро устраивают, но с самого начала ваш отец… — заговорила кормилица принцессы Паула, пышная немолодая женщина, заменившая девушке мать не только в младенчестве, но и после. Она сидела на кушетке и нервно трепала простой белый платок.

Они были слишком неравны по положению, чтобы в иной ситуации женщина могла бы позволить себе обращаться к наследнице престола с подобной фамильярностью. Но та искренне любила свою Пуппу, как привыкла называть её с раннего детства, и позволяла ей очень многое. Да и присутствовали здесь лишь свои, самые близкие, не от кого таиться.

— Мой отец сослан в монастырь! — Альба гневно топнула ногой. — А я иду приложением к короне для этого… этого…

— Красавчика, — хихикнув, подсказала горничная, которая сидела перед надетым на манекен платьем прямо на полу и сноровисто подшивала подол. Самый низ юбки был отделан богатейшим кружевом, поэтому его приходилось поднимать, но шила девушка отлично и выходило совсем незаметно.

— Чита! — возмущённо прикрикнула принцесса на свою молочную сестру.

— А что я такого сказала? — делано удивилась та, бросив на Альбу насмешливый взгляд. — Вы, ваше высочество, после последнего бала только о нём и говорили — и учтив, и выправка, и танцует. И какие у него глаза, а какие у него плечи... Да и вообще, все говорят, что генерал де Кастильо исключительно благороден и хорош собой.

— Ты его не видела!

— Видела, они же все во дворце теперь живут, — возразила горничная. — Хорош. И статный, и лицом красавец, а уж взгляд такой, что так всё внутри и замирает, — она мечтательно вздохнула, искоса хитро поглядывая на принцессу, а потом заговорила не в пример рассудительней: — Служанки из Большого дворца болтали, что держатся разместившиеся там офицеры не в пример достойнее дворян. Одна жаловалась, что уж она и так глазки строила, и этак, и грудь в вырезе, и плечико, но эти словно монахи какие-то, простите, падре. Говорят, и впрямь какие-то обеты давали едва ли не всем полком.

— У него шрам на лице! — обиженно заявила принцесса.

— Это очень пикантно, мужчину украшают шрамы.

— Он старый!

— Всего тридцать, самый расцвет сил, — возразила Чита. — Вот бы и мне замуж за такого красавчика-офицера… Как думаете, матушка, а? Достойная партия?

— Уймись, трещотка, — отмахнулась от неё мать.

— Падре! Ну хоть вы им скажите! — попыталась Альба воззвать к духовнику, который наблюдал за метаниями принцессы невозмутимо, даже почти безучастно, и беззвучно перебирал простые деревянные чётки, добела вытертые частыми прикосновениями.

— Успокойся, дитя. — Отец Валентин, сухопарый старик с узким лицом и почти лысой головой, усыпанной тёмными пятнами, посмотрел на свою воспитанницу задумчиво и строго, и под этим взглядом Альба невольно замерла.

Она сжала руки в кулаки, набрала в грудь воздуха для новой гневной тирады, но только шумно выдохнула — в метаниях и ругани выплеснулась достаточная часть обиды и злости.

— Но, падре… — жалобно начала принцесса.

— Мне тоже неприятна поспешность этого брака, однако Первосвященник полагает, что он пойдёт на благо всей Бастии. И для тебя, Альба, это не худший выбор. Генерал Браво де Кастильо из старого, достойного рода. Не ровня принцессе, но… вспомни наших ближайших соседей, неужели ты считаешь кого-то из членов тамошних правящих семей более подходящим для себя мужем?

— Отец не считал, — смущённо призналась Альба, умолчав о том, сколько слёз она пролила, упрашивая отца подобрать ей достаточно молодого и привлекательного мужа. Мольбам любимой дочери старый король внял, и вот…

— Утром я имел разговор с генералом.

— И что? — встревоженно вскинулась принцесса, глядя на духовника с надеждой. — Что он сказал?

— Он производит впечатление достойного человека. Умён, благороден, им движет чувство долга и забота о будущем Бастии, — задумчиво проговорил клирик. — И я знаю его духовника, отец Серхио в своё время был моим учеником, он также ручается за де Кастильо. Из того же, что касается тебя лично… Генерал понимает, что этот брак — высокая честь. Он сознаёт, насколько это всё неожиданно и болезненно для юной девушки. Он пообещал быть тебе добрым, достойным мужем, дать время привыкнуть и освоиться.

— Мало ли кто что может пообещать! — недовольно пробурчала Альба, расстроенная таким ответом и ещё больше обиженная. То есть на священника у него время есть, а на будущую жену — нет?!

Кормилица ахнула, а Валентин строго нахмурился:

— Альба! Я понимаю, дитя, что ты расстроена, но всё же следи за словами. Ты обвинила достойного дворянина в том, что он не держит слово. Это повод для дуэли. И если ты скажешь нечто подобное о ком-то другом, именно твоему мужу придётся отвечать за твои слова. Будь благоразумна.

— Но падре! — Альба всплеснула руками. — Неужели это всё, что он сказал? И почему он говорил это вам, а не мне?!

— Возможно, потому, что день перед свадьбой будущим супругам надлежит провести в посте, молитвах и мыслях о душе, а не мирских разговорах? — губы священника тронула понимающая улыбка, а взгляд потеплел. — Отец Серхио тоже должен был говорить с тобой, но мы решили не беспокоить тебя его визитом.

— В мыслях о душе! Как же! — устало выдохнула принцесса и осела прямо на пол у ног кормилицы, обняла её колени, положила на них голову. — Пуппа, ну как же так? Что мне делать?! Вот так вот просто идти замуж?! Я совсем его не знаю!

— Не грусти, милая, — Паула ласково погладила девушку по волосам. Строго взглянула на дочь, и Чита, бросив на молочную сестру сочувственный взгляд, тихо выскользнула за дверь. — Господь тебя любит, и если Святая Сестра посылает такого мужа, то оно и к лучшему. Наших генералов любит армия, а армию любит народ. Генерал Браво де Кастильо неглупый, благородный мужчина, из него получится хороший супруг и король.

— Мой отец — хороший король, — капризно проворчала Альба, бездумно ковыряя ногтем вышитый узор на платье кормилицы.

Как Паула обменялась быстрыми тревожными взглядами со священником, который тоже поднялся и тихо отступил к двери, она не видела, и вовсе прикрыла глаза, когда мягкая полная ладонь кормилицы снова погладила её по голове, а потом отец Валентин вышел и тихо прикрыл за собой дверь. Они сразу решили, что вести этот разговор лучше женщине, а не священнику: Паулу принцесса любила, доверяла ей. Духовнику, конечно, тоже, но он был больше наставником и целителем, а в делах сердечных Альбу скорее убедила бы взрослая женщина, жена и мать.

— Его величество стар, — начала Паула, с трудом подбирая слова. — Ему тяжело за всем уследить. А его высочество Алехандро… Вон как всё получилось. Ну да бог судья вашей матушке. А ты наследница по крови. Но ты ведь понимаешь, что не справишься одна.

Она говорила медленно, осторожно, и очень боялась сказать что-то лишнее. А сильнее прочего боялась показать воспитаннице собственный страх.

Восемнадцать лет назад Паула была достойной горожанкой. Совсем не богатой, замужем за простым служащим, она два дня как родила дочку Читу — второго ребёнка в семье после старшего сына. Здоровая и крепкая девочка, да и мать оправилась от родов легко и быстро. И продолжала бы Паула жить спокойной тихой жизнью, наверное, родила бы ещё много сыновей и дочерей, если бы не стечение обстоятельств и её отец, служивший в дворцовой охране.

Она тогда и не знала, что с отцовской подачи уже давно на примете у короля: её величество должна была скоро разродиться, и будущую кормилицу подбирали очень тщательно. Тогда его величество Федерико был ещё достаточно силён и твёрд, крепко держал страну в руках и проявлял внимание к мелочам. И тот целитель, который осматривал роженицу, был приведён не её мужем, как думала сама женщина, а прислан короной.

За восемнадцать последующих лет Паула ни на минуту не пожалела о том, что выбрали для этой чести именно её и что она тогда согласилась. И дело было совсем не в монаршей милости, благодаря которой простой служащий сумел обзавестись хорошим куском земли с виноградниками, обеспечить будущее сыну и не только хорошее место и хорошее приданое для дочери, но и её последующее удачное замужество: личная горничная и молочная сестра принцессы — прекрасная партия.

Малышка со слишком суровым и грозным для неё именем Альба за эти годы стала Пауле родной, словно тогда она родила двойню. Ей было жаль бедную девочку, которая родилась очень слабой и болезненной и была не просто не нужна собственной матери — покойная королева откровенно ненавидела этого ребёнка. И Паула очень постаралась её заменить. Они с мужем больше не заводили детей, кормилица осталась при принцессе сначала няней, потом воспитательницей, а теперь и камеристкой.

Любимица венценосного отца, рядом с которой тот отдыхал душой, Альба росла нежным тепличным цветком, и слуг в малый дворец отбирали очень тщательно. За лишние слова можно было лишиться не просто хорошего места, но свободы и даже головы.

Большинство, впрочем, служили не за страх. Горячая, непоседливая, очень сострадательная, юная принцесса могла оставить равнодушным только того, у кого не было сердца, — во всяком случае, так считала безоговорочно преданная ей кормилица. Да и остальные немногочисленные слуги любили маленькую сеньориту. Альба была избалована любящим отцом, она ругалась, она могла в сердцах сказать что-то злое и обидное, но никогда не отказывала в помощи. Она капризничала, проказничала, била посуду, но в семь лет, сама ещё кроха, бесстрашно бросилась наперерез сорвавшемуся с цепи здоровенному злющему псу, защищая трёхлетнюю дочку кухарки. О чём король, к слову, так и не узнал: всё обошлось — и ладно, а узнай он, полетели бы головы.

Ограждать её от боли и обид мира за пределами дворца было не только приказано королём, но и приятно. Никто не сомневался, что его величество Федерико и мужа любимице под-

берёт достойного, такого, который продолжит тщательно беречь его самое большое сокровище. Да, может быть, та же Паула порой беспокоилась о будущем девушки, совершенно оторванной от действительности, но кто она такая, чтобы перечить королевской воле?

Никто не задумывался всерьёз, что Альба может оказаться единственной наследницей. Был же старший сын рода, Алехандро, которого приняли все, включая церковь! И кто мог предположить, что его мать обманула всех, допустив столь страшную ересь: церковников обманули с помощью креста, напитанного силой и кровью короля. Королеве повезло, что до этого дня она не дожила, не поднималась на плаху и не видела казни своего сына. Который, как оказалось, прекрасно обо всём знал и каждые пару лет после смерти матери продолжал напитывать амулет кровью сестры для поддержания лжи. Непоседливая девчонка, которая большую часть жизни проводила со своими зверями, то и дело пестрела ссадинами и царапинами. И несмотря на то, что на целительнице все ранки заживали очень быстро, добыть немного крови всё равно было несложно.

Колдунов, связавшихся с тёмными чарами, боялись и ненавидели, смертная казнь полагалась и им самим, и их «клиентам». Кровавое колдовство уродовало и пятнало душу, и это отлично объясняло многие особенности характера кронпринца — жестокого, равнодушного и жадного до развлечений.

И вот теперь Алехандро казнён, старый король отправлен доживать свой век в монастырь, а от бедной Паулы зависит будущее не только её неискушённой, доверчивой воспитанницы, но и без малого судьба страны. И они с отцом Валентином, конечно, говорили об этом, и духовник принцессы был доволен беседой с генералом, но мучительно подбирать слова приходилось именно кормилице. И страшно было не за себя; страшно было принять неверное решение и увидеть его последствия.

— Не зря ведь говорят, самой лучшей лозе, чтобы принести плоды, нужна надёжная опора, — продолжала Паула.

— А ещё говорят, чтобы дать хорошее вино, лоза должна страдать, — вздохнула Альба. — Но я не хочу, Пуппа!

— Отчего ты вздумала страдать, Альбитта? — ласково спросила она. — Ты выходишь замуж за достойного, привлекательного сеньора, который сразу тебе приглянулся, вспомни! Да, брак слишком скоропалительный, и тебе страшно, но ты же такая смелая девочка!

— Этот привлекательный сеньор женится не на мне, а на короне, — с горечью возразила она, прерывисто вздохнула, безуспешно пытаясь сдержать слёзы.— А я ему, наверное, даже не нравлюсь!

— Милая, ну как ты можешь не нравиться? Ты самая красивая девушка Бастии, ты милая, добрая, нежная, и, уж поверь старой Пауле, за тебя бы насмерть дрались на дуэлях, даже если бы ты не была принцессой! Тебе, верно, было бы не очень приятно такое, а?

— Неприятно, — эхом откликнулась Альба.

Хотя отец и старался оградить дочь от мира, в полной изоляции она всё же не жила. Знала, что едва закончилась война, знала, что люди порой убивают людей. Считала это ужасным, но мирилась с человеческой природой, о чём отдельно позаботился её духовник. Хотя Федерико возражал, но и ему пришлось смириться. Позиция клириков была тверда: целитель должен видеть смерть, быть с ней знакомым и не бояться, потому что всесилен только Бог, и самый одарённый из смертных не может спасти всех. Он должен делать всё возможное, но также — быть готов отпустить умирающего на высший суд.

— Пуппа, но, если я так хороша, отчего он не пришёл, не просил моей руки? Пусть всё решено, но он и минуты не нашёл для разговора! На падре время нашёл, но жениться-то он намерен на мне! — она подняла полный обиды взгляд на кормилицу. Та вздохнула и так и не убранным платком бережно промокнула принцессе слёзы.

— Не плачь, Альбитта. Ох уж мне эти мужчины! — проворчала с укором. — На поле боя герои, а как до женских слёз доходит — так первыми дезертируют! Мой Фабио точно такой, и твой генерал уж верно не лучше…

— О чём ты? — растерянно нахмурилась Альба.

— Бьюсь об заклад, этот бравый де Кастильо, верно, побоялся встретиться с твоими слезами, предоставил успокаивать тебя духовнику и мне.

— Слезами? — искренне возмутилась принцесса. — Он что, всерьёз думал, что из-за него я… — заговорила негодующе, но осеклась и, обиженно надувшись, выхватила у кормилицы платок.

Ну да, плакала, и именно из-за него. А чего он?..

— Юным девушкам свойственно встречать новость о нежеланном браке слезами. — Видя, как воспитанница сосредоточенно нахмурилась и явно окончательно собралась, Паула и сама выдохнула с облегчением. — Помнишь же, верно, как его величество с тобой о замужестве заговорил после дня рождения!

Альба смутилась и ничего не ответила, принялась аккуратно складывать на коленях кормилицы платок. Потому что помнила.

— Думаешь, дело в этом? — спросила осторожно через несколько секунд.

— Конечно, в этом, — заверила Паула. — И сам он впервые женится. Да и устроить всё нужно, проследить — шутка ли, за два дня свадьбу приготовить! У него верно дел невпроворот.

— Падре сказал, что день перед свадьбой стоит провести в мыслях о душе, а не в мирских заботах, — вредным тоном передразнила принцесса, отстранилась от кормилицы и задумчиво расправила серебряное кружево на пышной розовой юбке, которая лежала вокруг неё облаком.

— Не капризничайте, ваше высочество, — улыбнулась Паула. — Сейчас Чита принесёт какао, и жизнь станет получше, да?

— Получше, — согласилась Альба, разглядывая издалека своё подвенечное платье, склоняя голову то на одну сторону, то на другую.

Конечно, времени на пошив совсем нового платья не оставалось, но портниха принцессы со своими помощницами сумела сотворить чудо из почти готового наряда для бала в честь дня рождения короля, до которого оставалось чуть меньше месяца. Благо кружева, вся верхняя отделка и шитьё для него были выполнены белым по белому, а простую однотонную основу легко удалось заменить. Теперь, вместо положенного принцессе на торжественный случай геральдического голубого, основа тоже была белой.

Принцесса не любила белый. И хотя все в один голос твердили, что к её смуглой коже и синим глазам он идёт изумительно, и что жених потеряет дар речи при виде этакой красоты, легче не становилось. Но тут принцесса не спорила: она прекрасно понимала, что ради неё никто не станет отступать от вековых традиций, а позорить себя и род не хотелось.

Альба охотно позволяла себе капризы, но тогда, когда понимала, что от них будет прок. А что толку кричать и требовать, заведомо зная, что это напрасно? Поэтому известие о свадьбе она встретила со всем возможным достоинством, как и ссылку и отречение отца.

Позапрошлый день принцесса провела в зверинце, помогая с тяжёлыми родами своей любимице Снежинке: пара единорогов была сокровищем королевского зверинца, а уж то обстоятельство, что они принесли потомство, и вовсе являлось уникальным случаем и предметом зависти многих исследователей. Но от писем с просьбами позволить взглянуть на приручённых единорогов принцессу ограждал отец, а сама она не задумывалась о какой-то необычности этого явления. Она просто любила живущих у неё зверей, искренне переживала за Снежинку и радовалась, что всё прошло успешно.

О том, что в это время страна за пределами дворца стремительно менялась, о том, что в столицу вошли войска и королю выдвинули ультиматум, она не знала. И Федерико, который пришёл вечером к дочери, не обмолвился и словом о грядущих переменах, а ведь именно

тогда секретарь составлял документ о его отречении. Он с удовольствием выслушивал восторги дочери, улыбался, и лишь напоследок, обнимая её, попросил быть стойкой и сильной, как и положено истинной Бланко. Альба, за всеми своими переживаниями не придавшая этому значения, с лёгким сердцем пообещала и попрощалась с отцом. Тогда она думала, что прощается всего на несколько дней, как обычно.

А утром в коридорах мундиры дворцовой стражи сменились пехотными. Альба этого и не поняла поначалу, только удивилась непривычному цвету и покрою. Она встала на рассвете, слишком не терпелось проверить Снежинку, и потому кормилица не успела с новостями. Оделась принцесса сама, у неё было несколько простых платьев для таких случаев — для зверинца и похода в сопровождении духовника в королевский госпиталь. Вернувшись же, она застала любимую Пуппу встревоженной и даже перепуганной — та боялась, что с воспитанницей что-то случилось, и сначала кормилицу ещё пришлось успокоить.

Ночью король подписал отречение, Алехандро на рассвете был казнён. Служанки не знали, какая участь уготована принцессе, но и она вскоре прояснилось: к Альбе явилось трое мужчин в генеральских мундирах. Генерал Рамос де Вега — сухой старик с холодным взглядом, генерал Парра Ортего — огромного роста бородатый здоровяк, пугающий одним своим видом, и генерал Браво де Кастильо, произведший на принцессу прекрасное впечатление на балу. Первом в её жизни, на котором ей был представлен двор и на котором казалось, что жизнь только начинается.

Говорил старик. Он был очень вежлив и уважителен, выразил сожаление, что всё складывается именно так, и сообщил условия отречения короля Федерико от престола в пользу его дочери принцессы Альбы и её будущего супруга Рауля Браво де Кастильо. Там даже указывалось, какие фамилии получат их дети.

Рамос де Вега даже нашёл нужным сообщить, что все необходимые формальности будут улажены в срок, что ей не стоит беспокоиться об убранстве церкви, что личная портниха принцессы прибудет вскоре, что...

Дети!..

Сохранить лицо принцессе в тот момент помог шок. Какие дети, Всевышний, какое замужество?! Да она видела этого человека второй раз в жизни!

А генерал Браво де Кастильо, который и на балу был немногословен, всю эту короткую сцену молчал. Когда кланялся, когда брал безвольную руку принцессы, чтобы осторожно надеть на палец изящное кольцо в знак помолвки, когда с новым коротким поклоном учтиво целовал эту самую руку. И на прощание он поклонился молча.

Альба, впавшая в оцепенение после такого внезапного поворота, тоже, можно сказать, молчала. Не считать же разговором короткое распоряжение подать завтрак в будуар! Кормилица видела состояние воспитанницы, но не трогала её, боясь сделать хуже.

А кольцо оказалось хорошим. Белого золота виноградная лоза с небольшим, но очень красивым тёмным изумрудом — старое, родовое. Артефакт, который принцесса не сумела снять, хотя и попыталась — не из протеста, просто из любопытства, чтобы рассмотреть внимательней. Она понимала, что избежать брака по приказу отца не выйдет, и не пыталась спорить.

Избежать брака, избежать…

Это что же, она теперь станет королевой? Святая Дочь, спаси и сохрани!

Потом была портниха. Потом Паула попыталась остаться на ночь с принцессой, всерьёз обеспокоенная её поведением, но Альба отказалась.

Полночи она плакала от обиды, разочарования и тоски об отце, встала опять с рассветом и тихо сбежала в зверинец, где её и нашёл духовник. Разговор с ним, примерку платья — всё это принцесса вытерпела стойко. А вот потом, оставшись с доверенными людьми после ухода портнихи, наконец сорвалась и высказала вслух то, что обижало сильнее всего.

Позволила себе сорваться.

Не сам брак злил и расстраивал, нет. Она сознавала, что вскоре ей это предстоит, дочь рода Бланко — не та девушка, которая долго останется без жениха. Хотя отец внял её мольбам, тщетными надеждами Альба себя не тешила. И генерал Браво де Кастильо действительно был куда лучше многих других кандидатов; да что там многих, всех, кого предлагал отец! Она бы, может, и не спорила с Читой, но...

Но всё было неправильно. Даже если спешка и обстоятельства, он сам, сам должен был с ней говорить! Преклонить колено, просить оказать честь, и плевать, что выбора как такового не было!

А он молчал. И потом не нашёл нужным поговорить с невестой, сказать ей хоть что-то!

Хотелось ответить тем же, обидеть, задеть. Но чем? Всё, что приходило в голову, бросало тень в первую очередь на саму Альбу, а этого ей точно не хотелось.

— Я сделаю тебе чудесную причёску, — по-своему истолковала долгий взгляд на платье Паула, перебирая длинные распущенные волосы принцессы — густые, гладкие, волнистые, чистое сокровище. Альба нечасто их собирала, только направляясь в зверинец, а так — закалывала гребнями за ушами. Не сама, конечно, горничные. — Ты будешь самой красивой невестой!

— Да. Буду, — согласилась она.

— Ты умница, я очень тобой горжусь. И отец, верно, гордится.

— Отец? Да, наверное, — рассеянно подтвердила принцесса. — Пуппа, приготовь мне, пожалуйста, ванну. Ты же почитаешь мне что-нибудь?

— Конечно, милая! — повеселела та, подхватилась с места. — Вот и славно, вот и умница. Ванна, какао, и жизнь станет гораздо лучше!

Альба тоже встала, подошла к платью, бережно огладила кончиками пальцев кружева.

Нет, она не будет портить эту красоту, хотя такая мысль и мелькала. В ярости могла бы, но сейчас уже успокоилась и понимала, что это не выход. Всё же жаль труда белошвеек и кружевниц, жаль этого волшебства, да и не стоит генерал испорченного платья. А вот про отца Паула напомнила очень вовремя.

Этикет принцесса знала назубок, учили её хорошо. И этот этикет предписывал юной аристократке, идущей под венец, жемчужные украшения как символ её чистоты, невинности и достоинства. В сокровищнице хранился комплект церемониальных украшений, в которых принцесса должна была идти замуж.

Ещё считалось приличным, если к свадьбе жених преподносил драгоценный гарнитур в цветах рода: невеста так демонстрировала уважение к семье, в которую переходила с замужеством. Но жених Альбы подобным подарком не озаботился, да и род она не меняла, так и оставалась Бланко.

И вот именно за это принцесса сейчас зацепилась. Она наследница, без пяти минут королева, и раз Браво де Кастильо берёт в жёны не достойную девушку Альбу, а возможность надеть корону — так пусть это и получает. И под венец она пойдёт в голубых топазах и бриллиантах рода Бланко, на которые имеет полное право. Раз уж он выказал ей пренебрежение своим поведением, так и она ответит тем же. И пусть только посмеет что-то об этом сказать! Она ему тоже… скажет!

От мстительных мыслей Альбу отвлёк стук в дверь.

— Входите, кто там? — разрешила она, оборачиваясь.

— Здравствуй, прелестная кузина. Позволишь? — на пороге возник хмурый и задумчивый кузен Алонсо. Вошёл после приглашающего кивка, поклонился, окинул быстрым взглядом её и будуар. — Ты одна?..

— Кормилица в соседней комнате, — отозвалась она с улыбкой. — Здравствуй. Ты давно прибыл?

Кузен Алонсо Медина де Бланко, сын гранда и его богобоязненной супруги, последней из младшей ветви Бланко, приходился Альбе троюродным братом. Высокий, привлекательный молодой мужчина, с порывистыми движениями и собранными в низкий хвост мягкими кудрями, слыл известным дамским любимцем. Особой дружбы между ними не водилось, кузен был на шесть лет старше и жил не в столице, а в Дариме, богатом торговом городе в трёх днях пути к западу. Но, несмотря на это, отношения с ним у принцессы были лучше, чем с братом Алехандро — тот был заносчив и презрителен, а Алонсо — улыбчив и обаятелен. К тому же он иногда привозил кузине всевозможные диковинки, а один раз подарил живого котёнка рыси, который, конечно, давно вырос, но до сих пор жил у Альбы в зверинце и ел у неё из рук.

— Нет, буквально час назад. Как ты? Это правда, тебя вынуждают идти замуж за этого узурпатора?! — он бросил понимающий взгляд на платье.

— Это воля отца, — растерялась Альба. — И я…

— Ваше высочество, что же происходит?! — прозвучал возмущённый голос Паулы. Она стремительно вошла в будуар и накинулась на пришельца с ходу, приседая в реверансе, которому волей-неволей пришлось научиться: — Разве можно так, ваша светлость? К юной девушке в покои! Посторонний мужчина! Вы же видели, она тут одна!

— Верная Паула, как всегда, на страже, — улыбнулся Алонсо, вежливо склонив голову. — Не гневайтесь, грозная воительница, я просто хотел поговорить с кузиной и поддержать её.

— Не самое лучшее время, — нахмурилась кормилица. Кузена воспитанницы она недолюбливала и считала скользким и бесполезным хлыщом и радовалась, что навещал он родственницу нечасто. — Её высочеству необходимо отдохнуть и как следует приготовиться к завтрашнему дню.

— Ничего страшного, Пуппа, — отмахнулась Альба — Я уже не одна, вот же ты здесь, а Алонсо — не посторонний мужчина, а мой кузен. Не будет беды, если я с ним поговорю.

— Как вам угодно, ваше высочество, — поклонилась кормилица, недовольно поджав губы.

— Не дуйся, — улыбнулась ей принцесса и быстро поцеловала в щёку. — Садитесь, — махнула она рукой и сама первая опустилась на кушетку, которую недавно оставила кормилица. — Так о чём ты хотел поговорить?

Паула, всё ещё недовольная, перечить при постороннем не стала, села подле своей сеньориты.

За годы жизни при дворце женщина заметно изменилась, вместе со своей воспитанницей научилась этикету и многим другим вещам, о которых в прежней своей жизни и не задумалась бы. Теперь она вполне могла бы сойти за почтенную сеньору, даже аристократического рода, чем порой не стеснялась пользоваться, получая от этого удовольствие. Однако и грань, которую не стоит переступать, Паула прекрасно знала. Не от всего защитит любовь принцессы, и лучше не испытывать эти чувства на прочность по пустякам. Сейчас же помалкивать советовал и этикет, и опыт простой горожанки.

Больше всего Паула жалела, что духовник принцессы ещё не вернулся. Уж лучше бы разговор этот вёлся в его присутствии!

— О твоей свадьбе. Альба, ты не обязана вот так выходить замуж за неизвестного выскочку!

— Но отец распорядился… — растерянно начала принцесса.

— Неужели ты думаешь, что он сделал это по доброй воле? Ему приставили нож к горлу, он что угодно подписал бы!

— Откуда ты знаешь, ты же сам приехал час назад? — искренне изумилась она.

— Альба!.. — выдохнул он едва ли не со стоном. — Есть доверенные люди, и само появление этих генералов — захват власти!

— Что значит — захват власти? Почему ты так в этом уверен? — принцесса нахмурилась.

— Да они сейчас везде устанавливают свои порядки, они…

Слушая его, Паула едва не хваталась за сердце. Наговорит же, молодой дурак, и Альба сгоряча глупостей натворит! Но перечить вслух она не смела и вскоре всерьёз задумалась о том, чтобы по примеру томных юных сеньорит изобразить обморок, чтобы отвлечь от опасного разговора воспитанницу.

Однако вскоре от этой необходимости её спасла без стука распахнувшаяся дверь. На пороге возникла встревоженная Чита с подносом в руках, а за ней, к облегчению Паулы, вошёл строгий и хмурый отец Валентин.

— Ваше высочество, ваша светлость, с прибытием, — коротко поклонился он.

— Святой отец. — Алонсо поднялся, приветствуя священника. Тот числился рядовым клириком, однако о его связях и о том, что Первосвященник очень уважает этого старика, не слышал только ленивый. И Алонсо, хоть и королевский родственник, предпочёл выказать уважение тому, перед кем не гнушался наклонить голову король Федерико.

А вот спрятать недовольную гримасу кузен не сумел даже от принцессы, и Альба ещё больше растерялась.

— Я рад, что в это сложное время вы нашли возможным прибыть ко двору и поддержать её высочество, — продолжил священник.

— Да, конечно. Я не мог поступить иначе, — кисло ответил Алонсо. — Прошу прощения, я зашёл всего на минуту, поздороваться. Счастлив был повидаться, Альба, — он учтиво поклонился кузине, поцеловал машинально протянутую руку и вышел.

— Падре, что он такое говорил? — хмурясь, принцесса подняла взгляд на священника, а явно взволнованная Чита сноровисто выставляла на столик какао, тарелочки с крошечными пирожными, блюдце со сдобными булочками, сливки, свежее масло. Тончайший валларский фарфор, белый с виноградными лозами, любимый сервиз Альбы; изящное столовое серебро — принцесса обожала тонкие, нежные, воздушные вещи, о чём прекрасно знали все слуги.

— Как я могу ответить, если меня тут не было? — спросил Валентин, пусть и догадывался, с какой целью явился Алонсо. Приблизился к креслу, тяжело опустился в него, цепляясь за подлокотники: ходил он стремительно и уверенно, почти как в лучшие годы, а вот лестницы и стулья оказывались трудным препятствием.

— Он сказал, что отца силой заставили подписать отречение. Что генералы захватили власть. Он лгал? А если нет, то почему я должна выходить замуж за врага и захватчика?

Жидкие седые брови священника задумчиво хмурились, а сухие пальцы с обычной неспешностью перебирали чётки. Отвечать он не спешил, но Альба, глядя на него, потихоньку начала успокаиваться: она прекрасно знала этого человека и точно знала, что сейчас он не волновался, просто был чем-то недоволен. Когда отец Валентин беспокоился, чётки он сжимал крепко и нервно теребил попавшую между пальцами бусину. А если спокоен он, значит, всё не так ужасно, как представилось минуту назад.

— Падре? — не выдержала молчания принцесса.

— Он преувеличил, — наконец, проговорил священник. — Потому что не знает подробностей. Его величество желал уберечь тебя и хотел держать в стороне от власти, но ложь Алехандро и его матери перечеркнула эти планы. Твоё скоропалительное замужество и кандидатура Браво де Кастильо были предложены не королём, но он согласился, что это лучший выход. Да, на нём настоял не король Федерико, его действительно вынудили. Но предложить вариант лучше он не сумел, и потому согласился. Если хочешь знать правду, не вижу другого пути и я. И Первосвященник, которого уж точно никто ни к чему не пытался принудить, поддерживает подобное решение. Генерал — надёжный, преданный Бастии человек, который делом доказал свою верность и благородство.

— Но как же… — тихо пробормотала она и осеклась. Как же что? Чувства принцессы? Невозможность нормально проститься с отцом? Его отсутствие на её свадьбе?.. — Почему отец всего этого не сказал сам?

— Его величество очень тебя любит, милая, — заговорила Паула. — И очень бережёт. Ему, верно, больно было тебя расстраивать, вот и не сказал. А что на свадьбу не остался… — она запнулась и глянула на священника в поисках поддержки.

— Спроси об этом своего супруга, — посоветовал тот. — Я не присутствовал при их разговоре.

— А если я откажусь выходить замуж? — предположила Альба, захваченная этой идеей. — Против воли Святая Дочь не благословит брак. Если я для него ступенька к трону, пусть ищет себе другую!

— Не благословит, — согласился Валентин, глядя на воспитанницу остро и пронзительно, отчего та неприязненно поёжилась, но лишь упрямее вздёрнула подбородок. — Но защитить тебя в этом случае будет некому.

— Защитить? — удивлённо вскинула брови Альба. — От чего?

— От других желающих использовать тебя как ступеньку к трону. Генерал на Святом писании поклялся мне, что не обидит тебя и сделает всё возможное для твоего счастья. Он человек слова, и я ему верю. А остальные клятв не давали.

— Но я могу отказать всем! — нахмурилась принцесса.

— И тогда под угрозой окажется не только твоя свобода, но и жизнь.

— Жизнь?! Они не посмеют!.. — неуверенно возразила она. — Я же Бланко!

— До сих пор тебя защищала власть отца. Ты сама понимаешь, что он стар и болен, и его может не стать в любой момент. Неизвестно, как бы всё сложилось, не приди Браво де Кастильо и его люди с этим предложением. Призови Всевышний Федерико, и дело могло повернуться куда хуже. На всё Его воля.

— Альбитта, а что же мы сидим, там уж вода небось остыла! — всполошилась Паула. — Пойдём, милая, мы с Читой тебе поможем, вода горькое и недоброе вымоет, легче станет… — ворковала она, обнимая воспитанницу за плечи и ведя её в сторону заветной комнаты. Альба, хмурая и погружённая в мысли, двигалась походкой сомнамбулы и, кажется, не слушала.

Горничная, стоявшая тут же в замешательстве, обняв поднос, беспомощно посмотрела сначала на какао на столе, потом — на священника.

— Иди, помоги принцессе раздеться, — освободил её от мук выбора отец Валентин. — Потом вернёшься за чашкой.

Когда служанка вышла, клирик задумчиво посмотрел на чашку, но, поборов искушение, мелко перекрестился. Подлить воспитаннице успокаивающую настойку — что может быть проще? Несколько часов умиротворения и покоя, Альба бы заснула и хорошо выспалась, а утро встретила вялой и заторможенной, и на венчании не доставила бы проблем.

Но простой путь часто ведёт ко злу. Да, всего лишь очередная маленькая ложь, но эту девочку и так окружало слишком много обмана. Целый мир, любовно возведённый вокруг дочери венценосным родителем. Вроде бы для её блага, но скорее — для собственного удовольствия.

Валентин с самого начала был против решения короля оградить дочь подобным образом, но Федерико отличался завидным упрямством. Обучение целительству — это был единственный компромисс, на который король нехотя пошёл, не желая серьёзного конфликта с Первосвященником. Обучение в обмен на соблюдение установленных правил. Утомлённый интригами и лицемерием блистательного двора, Федерико любил свою непоседливую дочку за её искренность и бесхитростность, отдыхал рядом с ней и совсем не хотел, чтобы Альба взрослела. Остановить бег времени и естественный ход вещей он не мог, но пытался оттянуть неизбежное.

Валентин видел волю Провидения в том, что в девочке проснулся сильный и ценный дар. Если бы не вмешательство Церкви, принцесса вообще ничего не знала бы о жизни за пределами дворца, для неё не существовало бы смерти, зла и потерь. Счастливая, безмятежная жизнь, зыбкая, словно полуденный мираж, такая же обманчивая и способная прерваться в любой момент.

Альбе и сейчас предстояло непростое знакомство с действительностью, но стараниями духовника она оказалась хоть немного подготовлена к этой встрече, а дальше…

Дальше оставалось уповать на волю Господа и преданных принцессе людей, включая самого священника. И надеяться, что генералу Браво де Кастильо хватит выдержки и обаяния, чтобы найти подход к молодой жене. Он показался Валентину человеком надёжным, незлым и искренним, и их долгий обстоятельный разговор произвёл на священника благоприятное впечатление, иначе тот не уговаривал бы сейчас свою воспитанницу. Но чем это обернётся завтра?

Глава 2. Арьергард и обозы

Звон в ушах начался вчера рано утром, незадолго до рассвета — негромкий, но неотвязный, — и преследовал Браво де Кастильо весь день. Он появился вместе со странной лёгкостью, пустотой и видом на окружающий мир словно через дрожащую толщу воды. Сквозь эту толщу Рауль наблюдал за происходящим с некоторой отстранённостью, и хотя принимал в нём посильное участие, всё равно не мог до конца погрузиться. И тянулось это унылое однообразие до самого вечера, и неизвестно, насколько бы затянулось ещё, если бы не духовник.

Рауль с Мануэлем обсуждали очередную стопку донесений из отдалённых провинций, когда совещание в оккупированном королевском кабинете прервалось появлением отца Серхио. Священник, не ответив на приветствия, подошёл к столу, смерил взглядом старого кавалериста, а потом подошёл к сидящему над расшифрованными посланиями Раулю и положил ему на голову холодные твёрдые ладони — реакция того оказалась слишком притуплена усталостью, чтобы Браво де Кастильо своевременно отшатнулся.

А потом стало поздно. От виска к виску голову пронзила такая боль, что Рауль не сдержал стона, но это была мелочь в сравнении с последовавшей за тем короткой и злой отповедью. Серхио отчитал его как мальчишку. Немного утешило то, что досталось и Мануэлю — старику, в отличие от большинства людей, хватало четырёх часов сна, а вот Раулю, который находился на ногах уже четвёртые сутки, был легко ранен и за всё это время спал урывками где придётся, этого явно недоставало.

Впрочем, с позором изгоняя будущего короля в покои, Серхио ругал не только его, но и всех остальных своих соратников. Дел было невпроворот, а обязательность и нежелание упустить что-то важное держали на ногах всех, пока это не исчерпало терпение целителя. И он пошёл отлавливать их по одному и разгонять по постелям.

Сегодняшнее утро, утро собственной свадьбы, Рауль встретил в отвратительном настроении. Он помнил, как добрался до спальни, а вот как раздевался — уже нет, но этот пробел легко заполнил ординарец. Сегодня был черёд старшего из двоих, ворчливого седоусого здоровяка Бруно, который не замедлил выговорить генералу за то, что вещи побросал абы как прямо на пол и всё помялось. И брюзжание верного, но весьма нудного ординарца не добавляло радости.

Хромой старый солдат служил ещё с отцом Рауля и достался сыну по наследству, искренне любил обоих Браво — одного как брата, второго как сына, — и служил за совесть. Из любви и уважения ему прощалось многое, но порой об этом хотелось забыть.

Раздражение и недовольство жизнью, конечно, были лучше недавней апатии, но понимание правоты Серхио, настоявшего на отдыхе, утешало мало.

Генерал Браво де Кастильо чувствовал себя жонглёром, который схватил разом слишком много факелов и вот-вот упустит все. Недовольные послы, взбешённые дворяне, волнения по всей стране, тревожно гудящая столица и мучительная неопределённость, заставлявшая всю Бастию нервозно перешёптываться и рождать самые безумные слухи… Грядущая свадьба должна была уменьшить напряжение, но одновременно она была той самой виноградной косточкой на весах терпения, которая грозила окончательно сломить выдержку генерала.

Рауль напоминал себе об обещании, данном духовнику принцессы, и усталая злость крепче сжимала горло. Да, он обещал уговорить, беречь, быть терпеливым, снисходительным и великодушным, но… Видит Бог, душевное равновесие венценосной девицы заботило его преступно мало, а флирт и женские прелести — последнее, о чём он мог сейчас думать! Но очень надеялся при встрече наскрести для принцессы Альбы хоть немного тёплых слов и светлых чувств, потому что срывать дурное настроение на девушке — последнее дело.

Пока генерал мылся и брился, пытаясь отыскать в себе остатки сострадания и человеколюбия, Бруно позаботился о том, о чём его командир, конечно, не подумал. И когда уже чуть более благодушный, чем спросонья, Рауль в одних свежих кальсонах, найденных в ванной вместе с полотенцем, вошёл в спальню, на постели был любовно и бережно разложен вычищенный парадный мундир, а на столе у большого камина источал потрясающие запахи плотный завтрак.

— Когда ты успел его притащить? — полюбопытствовал генерал, кивнув на китель, который последний раз видел почти месяц назад, когда надевал его на большой королевский бал в честь победы.

— Да уж не стали вашего приказания-то ждать, дон генерал, — отозвался в своей обычной ворчливой манере Бруно. — Мы с Николасом уж позаботились, кое-что из ваших вещей-то принесли, а то шныряют тут всякие… Ливрейные.

— Это ты о ком? — уточнил Рауль и с удовольствием налёг на еду. Есть в минувшие дни тоже приходилось кое-как, урывками, и плотный завтрак был очень кстати, как и добрые восемь часов крепкого сна.

Поспать бы, конечно, стоило подольше, и он клятвенно обещал Серхио следующую ночь тоже провести в постели. Вряд ли у молодой супруги, потому что он обоснованно сомневался в своей способности столь быстро найти к ней подход, но хотя бы в своей собственной.

То есть нет, не своей. После свадьбы и коронации им с супругой предстояло занять Большие королевские покои, и единственное, что радовало в этом Рауля, — так это то обстоятельство, что комнаты те пустовали уже полвека, с тех пор как умерла бабка Альбы и вдовый король перебрался в другую спальню. Федерико с женой ладил скверно, и в Большие королевские покои никто из них не совался.

Причина стала понятна, стоило в них заглянуть. Формально раздельные, они были созданы для супружеской пары, в которой царит мир и согласие. Две анфилады тянулись параллельно, зеркальное отражение друг друга, и каждая пара комнат была связана тонкой дверью. Ванные комнаты, спальни, будуар и небольшой тихий кабинет и, наконец, просторная общая семейная гостиная. Только гардеробные, попасть в которые можно было из спален, смотрели в разные стороны.

— Бруно? — окликнул насупившегося ординарца Рауль. — С кем ты успел пособачиться и по какому поводу?

— Да вам оно зачем? — попытался увильнуть тот, но поймал многозначительный, сквозь насмешливый прищур, взгляд командира и принялся каяться.

Ничего страшного не произошло, но де Кастильо искренне порадовался, что настоял на ответе: история соперничества его ординарцев с дворцовыми слугами повеселила и подняла настроение.

Личный и бессменный камердинер короля Федерико отбыл с ним вместе, по-настоящему преданный своему сеньору, но и помимо него нашлись желающие. Многие из тех, кто спокойно принял смену власти в отдельно взятом дворце, были не прочь занять более высокое место, услужив будущему королю, происхождение которого занимало их меньше всего.

Но шансов сдвинуть Бруно, по мнению Рауля, не было ни единого. И дело не только в том, что сам генерал ни за что не променял бы верных и проверенных людей на непонятно кого, как не променял бы привычный мундир на придворное платье. Просто Бруно прекрасно справлялся со всеми вероятными противниками самостоятельно и не поставил бы командира в известность о том, что были какие-то варианты, если бы тот не поймал на слове.

— Ты в Больших королевских покоях уже побывал? — спросил Рауль, прикончив завтрак, который под занимательную историю пошёл ещё лучше.

— А то как же, — ответил хозяйственный ординарец. — И скажу я, дон Рауль, здешние слуги — бездельники и лентяи. У меня в деннике Даровом чище, чем в этих королевских покоях было!

Подарка, горячего рыжего жеребца, Бруно любил едва ли не сильнее, чем его хозяина, и чуть пылинки с него не сдувал.

— Даже не сомневаюсь, — почти без иронии пробормотал генерал, с подозрением принюхиваясь к чашке кофе. Пахло оттуда странно — то ли рыбой, то ли гарью, — но изумруд в родовом перстне оставался всё таким же тёмным.

Будущего короля не пытались отравить, что не могло не радовать. Просто кофе во дворце готовили дрянной.

Северяне. Они никогда не умели варить нормальный кофе.

Но сейчас привередничать не приходилось, и Рауль пил что принесли, морщась от едкой горечи. Дрянь или нет, главное, крепкий и неплохо прочищает голову, а вкус можно забивать… да вот хотя бы ветчиной, она-то выше всяких похвал.

— Но вы не извольте беспокоиться, — продолжал тем временем Бруно, не заметивший страданий командира над чашкой, — я уж нашёл пару девиц посообразительнее, они там всё вычистили, никакой пыли не осталось, я проверил!

— На женской половине тоже?

— Само собой! — почти обиделся ординарец. — Не хватало ещё такую славненькую сеньориту в свинарник приводить!

Рауль опять усмехнулся. Его всегда забавляла хозяйственность Бруно, повеселила и теперь.

Напоминать ординарцу, кто кого и куда приводил на самом деле, генерал не стал, того это не касалось, а вот ещё одной оговоркой подчинённого заинтересовался:

— А принцесса, значит, славненькая?

— Точно говорю, — веско покивал ординарец.

— Из чего ты сделал такой вывод? Слуги болтают?

— И это тоже, да только здешних лодырей слушать без толку, — рассудительно продолжил тот. — Я сходил глянул вчера ещё. Издаля, конечно, я же с пониманием, неча сеньорите под нос лезть. Хорошенькая она, точно куколка. Но больше зверинец её, конечно.

— А что зверинец? В зверинце слуги. Может, у него просто смотритель толковый.

— Э-нет, дон Рауль! Смотритель хорош, а только всё под рукой принцессиной, я уж вызнал. И вот ещё штука какая, у ней там пара единорогов живёт, и они приплод принесли. А это, я вам скажу, дело особое, благословенное!

— Единорогов? — недоверчиво уточнил генерал. — Действительно, особое…

— Про принцессу Альбу болтают, будто при её рождении сама Святая Дочь сошла с небес и поцеловала дитя в лоб, благословляя, — чуть понизив голос, поделился ординарец сплетней. — Даже кое-кто из слуг видел светлую фигуру в белых одеждах. Так-то! — удовлетворённо подытожил он, довольный пристальным вниманием командира. Обычно генерал пропускал всю эту болтовню мимо ушей или явно потешался над слухами, а сейчас слушал внимательно и молчал.

А версия и впрямь была интересной, совпадений хватало. Например, то, что королева Луиза не вытравила плод насилия, и Альба вообще родилась на свет. Богобоязненностью покойная королева не отличалась никогда, и грех чадоубийства вряд ли мог её устрашить. Да и сам факт недобровольности рождения ребёнка ставился этим слухом под сомнение: Божья Дочь София, принявшая мученическую смерть в руках насильников и убийц, никогда бы не одарила столь щедро дитя, зачатое подобным образом, и его отца.

Рауль в суеверия, конечно, не верил и без труда мог подобрать логическое объяснение: король как-то сумел договориться с женой и попросту заплатил за ребёнка. Не деньгами, но способы воздействия у него наверняка были. Спросить у Федерико напрямую никому не пришло в голову, а сейчас уже было не до того. Но не верить Рауль мог во что угодно, а широкой публике правдоподобная версия была гораздо менее интересна, чем божественное благослове-

ние. И это самое благословение и совпадения вокруг него можно было неплохо использовать для наведения порядка.

Прекрасное противопоставление. С одной стороны — Алехандро со всем своим разгульным весельем, средоточием всего того, что не любили в аристократии простые люди, казнённый за чёрное колдовство. А с другой — добрая и чистая Альба, милосердная целительница, которую почти никто и в глаза не видел, но это делало выдуманный образ ещё привлекательнее и усиливало веру в него.

Да и как тут не уверовать, в самом деле? Если Святой Сын был защитником рода людского, мечом и щитом, который кровью своей искупил людские грехи, то Святая Дочь — воплощённым милосердием, символом материнства, волшебства и домашнего очага. Она покровительствовала целителям, женщинам и детям, и волшебным животным — тоже. Её часто изображали верхом на единороге, и стоило ли удивляться, что питомцы принцессы приводили простой люд в священный трепет?

До сих пор, больше занятый общей политической ситуацией, про такие мелочи Рауль не задумывался и сейчас сделал себе мысленную зарубку поговорить с Хорхе. Вряд ли тот мог упустить подобную информацию, наверняка уже учёл в своих планах, но надо было уточнить, как в русле его плана стоит действовать мужу такой благостной принцессы. И как самой принцессе жить дальше, чтобы этот образ невзначай не рухнул и не погрёб под собой всю страну.

— Ладно, к чёрту болтовню, — допив пережжённый кофе одним глотком и поморщившись, генерал рывком поднялся. — Подай рубашку.

— Это мигом! — оживился Бруно и заметил с умилением: — Отец бы вами гордился, дон Рауль.

— Если бы не успел до этого отречься, — невесело усмехнулся тот.

Старший Браво хорошо знал и любил короля Федерико, был ему безоговорочно предан и вряд ли простил бы сыну нынешний демарш.

Дотошный Бруно предусмотрел всё — и в зеркало начищенные сапоги, и награды с алой орденской лентой, и парадную шпагу… Последнюю Рауль терпеть не мог — паршивая сталь, неудобная рукоять, плохой баланс, и вообще по его мнению с тем же успехом можно было фехтовать кочергой. Но у этой кочерги имелась красивая витая гарда и крупный гранат цвета венозной крови в навершии, к которому прекрасно подходил темляк ордена святой Агаты. В общем, не оружие, а красивая побрякушка, к которой совсем не подходила привычная дага, и за её отсутствие Рауль отдельно не любил парадный мундир.

К счастью, никто не запрещал под свободный рукав кителя надеть крепление со сложенной навахой — старой, потёртой, но ни разу не подводившей. Это оружие северянин Бруно проводил недовольным взглядом, здесь оно считалось недостойным дворянина. Но Рауль, который вырос на самом юге Бастии, на побережье, навахой овладел раньше, чем шпагой, и доверял ей всяко больше, чем золочёной кочерге.

— Ты в своих утренних прогулках по дворцу не встречал Флавио? — спросил генерал, придирчиво оправляя мундир перед зеркалом, но Бруно, конечно, не допустил бы беспорядка, и на идеально выглаженной чёрной ткани не было ни соринки.

— А то как же! Под дверью сторожит небось.

— Зови, у меня к нему пара поручений. А ты сегодня, как закончишь с вещами, пройдись по городу, потолкайся в толпе, послушай, кто что говорит. Денег взять не забудь.

— Да уж не беспокойтесь, дон генерал, не впервой, — нехотя проворчал Бруно.

«Принюхаться» на местности и потереться в толпе он обычно был не против, но сейчас явно не хотел оставлять командира, несмотря на то, что тот всё это время будет занят совсем другими делами. Но не мог он и нарушить прямой приказ и подвести «своего» генерала, выращенного вот этими самыми руками.

Конечно, люди Хорхе занимались тем же постоянно, но чутью и везению ординарца Рауль доверял безоговорочно. Проблем со стороны простого народа не ожидалось, их скорее должна была подкинуть аристократия, но лишний раз узнать о настроениях в столице от доверенного человека всё равно полезно. Это, с одной стороны, позволяло избежать неприятных сюрпризов, а с другой…

Именно сейчас это давало силы, помогало верить, что они сделали правильный выбор. Потому что среди простого люда преобладало воодушевление. Жители Бенойи волновались, но надеялись на лучшее. Перемены давно назрели, страна устала от безвольного короля и обилия проблем, и появление новой фигуры на троне воспринималось символом этих перемен. Тем более не случайной фигуры, а хорошо знакомой и пользующейся определённым уважением и доверием. После войны генералов действительно любили — за победу, за рачительное отношение к солдатам, за порядок и мужество. Пока им верили. И ему — тоже.

Участники переворота не льстили себе и не позволяли увлечься надеждой, будто вот этой веры и заработанной репутации хватит надолго. Имелся чёткий план, какие и как нужно провести реформы срочно, как пытаться договариваться с кем из аристократов, кого поймать и… нет, не вздёрнуть на ближайшем столбе, как бы ни хотелось, а судить — публично, даже демонстративно. Но наличие плана не гарантировало успеха, и Раулю просто необходимо было отправить Бруно на разведку. Не столько ради сведений, сколько ради слов поддержки, которые он мог принести.

Хотелось верить, что всё не напрасно. Но собственной веры для этого могло и не хватить.

Порядок на улицах обеспечивал полк пехотного корпуса генерала Парры Ортеги. Тот самый, который служил основной силой при перевороте. Особого сопротивления никто не ждал, но решили перестраховаться. К счастью, сокращённого вдвое полка оказалось более чем достаточно.

После войны, безотносительно переворота, численность армии заметно сократили — в казне просто не было денег на содержание такого количества людей, да и нужды в них не было, масштабные боевые действия не предполагались. Отпускали в первую очередь тех, кому было куда идти, и кто с меньшей вероятностью пополнил бы собой ряды разбойников. Во всяком случае, пытались делать именно так, оставив людям свободу выбора. И это тоже была часть плана: возвращение в семьи мужчин, кормильцев, восприняли как благо и милость командования.

Месяца, отведённого ими себе на подготовку, хватило на манёвры. Большинство оставшихся частей разместили ближе к границам и тем ключевым местам, которые вызывали беспокойство. Манёврами армии король не интересовался и в военное-то время, за что офицеры могли только поблагодарить — он не помогал, но и не мешал, — а в мирное, кажется, вообще не задумывался о том, зачем ему армия.

Венчаться Раулю предстояло в кафедральном соборе Санта Хемина Протектория, Святых Близнецов Защищающих, расположенном совсем недалеко от Большого дворца. Неспешным шагом — пять минут, но пешком идти несолидно, и преодолеть это расстояние генералу Браво де Кастильо предстояло в седле, а невесте — прибыть позже в открытой коляске.

Сразу после венчания, не отходя от алтаря, Первосвященник должен был короновать молодожёнов, потом на той же коляске обратно, потом небольшой приём...

Подготовку торжества милостиво взял на себя Серхио, позволив товарищу заниматься другими делами, но регламент сегодняшнего дня Рауль знал прекрасно. Спланировано всё было давно, в организации сомневаться тоже не приходилось, и он старался не думать лишний раз о том, что вообще произойдёт. Просто приказ. Просто какая-то церемония. Просто его долг. Неприятный, но…

Или он, как смеялся Октавио, впрямь зажрался, или что-то ещё, но то, что многие видели в смелых мечтах и ради чего готовы были пройти по головам, вызывало у Рауля чувство тоскливой обречённости.

Он не хотел жениться, тем более на капризной юной девушке, которую видел два раза в жизни: это народ мог позволить себе издалека любить прекрасный образ, а настоящая принцесса вряд ли была столь уж прекрасна. И править он не хотел, он не любил все эти хозяйственные тонкости и в глубине души радовался, что родовое поместье много лет назад ушло с молотка и ему не довелось стать респектабельным идальго.

Знал бы Рауль, что на него свалится взамен!

Корпус Браво де Кастильо был распущен почти полностью, как и корпуса других генералов, согласившихся занять мирные должности. С завтрашнего дня его остатки переходили к другому офицеру, а сам Рауль оставался в роли почётного командира. Но сегодня его офицеры вызвались отдать генералу дань уважения и сопроводить в качестве почётного караула и его, и невесту. Они искренне радовались и даже, кажется, гордились своим командиром, и тот не имел права их подвести, поэтому старательно изображал спокойствие, уверенность и довольство жизнью.

— Скалься чуть менее злобно, невесту напугаешь, — потешался Хорхе, который на правах шафера ехал справа от друга.

— Невеста всё равно не видит, — огрызнулся Рауль. — А если тебе весело, у нас ещё есть возможность поменяться местами.

— Иди к чёрту, дружище! — радостно ответил на это Хорхе. — Я лучше позабочусь, чтобы тебя не отравили ненароком.

— А что, пытались?

— Уже три раза, — усмехнулся тот. — Надо будет рассказать твоей юной жёнушке, как ты ради неё страдаешь.

— Хорхе, ещё слово о моей свадьбе и невесте из тех, которые не предусмотрены церемонией, и я сделаю в тебе лишнюю дырку, — ответил жених, не оценив шутку.

— Этой золочёной крысоколкой? — друг не устрашился, напротив, ещё больше развеселился. О «любви» Рауля к наградному оружию он прекрасно знал и не уставал на эту тему подтрунивать.

— У меня наваха в рукаве. И если ты наконец не заткнёшься, свадьбу придётся отложить ради дуэли, — процедил Рауль, бросив на шафера злой взгляд, и тот умолк, выразив удивление невнятным междометием.

Остаток пути проделали в молчании — по площади к собору, зубчатой белоснежной громадине с высокими стрельчатыми окнами и гранёным узким куполом. Торжественной, холодной, похожей на равнодушную скалу над морем. И человеческое море волновалось, усугубляя сходство.

Рауль не любил эти огромные северные церкви, при виде которых невольно чувствовалось, что Всевышний за что-то очень сердит на него, Рауля, лично. Поэтому он нечасто посещал здешние храмы, старался при этом выбирать часовенки поменьше и попроще, а в кафедральном соборе так и вовсе не был ни разу.

У входа мужчины спешились, пара солдат приняла лошадей. Один залихватски подмигнул и шепнул: «Поздравляю, генерал!», — отчего Хорхе рядом булькнул от смеха, а Рауль нашёл в себе силы поблагодарить, всё же сказано было от чистого сердца.

В этот момент тоскливое уныние с примесью жалости к себе сменилось раздражением и желанием поскорее закончить этот спектакль. По беломраморным ступеням Браво де Кастильо поднимался стремительно, ни на кого не оглядываясь и не обращая уже внимания, идёт за ним слишком разговорчивый шафер или нет. Решительно нырнул в просторный и строгий зал

под гулкими сводами с острыми рёбрами нервюр, не глядя обмакнул пальцы в чашу со святой водой, размашисто перекрестился на ходу.

И через заполненный тихо гомонящим народом зал он шагал твёрдо и решительно, словно на быстром марше, не смотря по сторонам. Убранство собора было ему неинтересно, кто из будущих подданных удостоился чести видеть церемонию лично — тем более.

Внутри собор ещё сильнее давил на нервы, и было непонятно, дело в архитектуре или нынешнем состоянии Рауля. Негромко, насколько он вообще это мог, зазвучал с хоров орган, тяжёлый запах благовоний сжимал голову, а прохлада рукотворной пещеры морозом пробирала по спине. Резной белый мрамор навязчиво ассоциировался с фамильным склепом, в котором Браво де Кастильо последний раз был больше пятнадцати лет назад, во время похорон отца, и который оставил неизгладимое впечатление.

Первосвященник уже ждал у алтаря. Этого невысокого старика с небольшой бородкой и венчиком седых волос боялись и шёпотом пересказывали слухи, что он видит людей насквозь, способен читать мысли и видеть будущее.

Раулю прежде не доводилось встречаться с ним лично, и он привычно считал слухи слухами. Ровно до того момента, как поймал на себе очень внимательный и пронзительный взгляд светло-голубых, как летнее небо, глаз. Взгляд тяжёлый, физически ощутимый, и мягкая, понимающая улыбка, с которой Первосвященник встретил жениха, не смягчила впечатления.

Оба генерала преклонили колени, обоих святой отец невозмутимо, с удовольствием благословил. Сначала Хорхе, после Рауля, а потом немного склонился к последнему и проговорил едва слышно:

— Не тревожься, сын мой, этот брак осенён Божьей милостью во благо Бастии.

Браво де Кастильо вскинулся, но уткнулся взглядом в вышитый золотом крест на спине роскошной казулы: святой отец уже с деловитым видом отвернулся к алтарю и явно не собирался ничего пояснять.

Похоже, в этот раз слухи оказались правдивыми...

— Рауль, ты что, правда нервничаешь? — негромко и без насмешки, растерянно спросил Хорхе, когда оба встали.

— Помнишь штурм Луццы? — смерив друга взглядом, он решил всё-таки ответить: кажется, тот наконец перестал дурачиться и посерьёзнел.

— А то, — главный армейский разведчик неприязненно передёрнул плечами. Самоубийственный штурм пограничной крепости Луццы был началом карьеры их обоих, тогда ещё зелёных лейтенантов, и лишь чудом не стал её концом.

— Так вот я бы лучше ещё раз сходил в ту атаку, — бросил Рауль.

Хорхе тихо виновато кашлянул, оценив сравнение, и окончательно заткнулся. До сих пор ему казалось, что Браво де Кастильо просто ворчал, потому он и подтрунивал, а сейчас наконец осознал и внял просьбе.

Конечно, на Рауля это было не похоже, но и жениться ему прежде не доводилось, откуда Хорхе знать, как старый друг обычно ведёт себя в подобных ситуациях? И ещё неизвестно, как повёл бы сам генерал Флорес Феррер, если бы выбор соратников пал на него. Может, драпал уже к ближайшей границе. Потому что принцесса хоть и хороша, но уж больно тяжёлое ярмо на всю оставшуюся жизнь.

В повисшем молчании жених молча уткнулся взглядом в искусно вырезанную мраморную статую распятия за алтарём — Божьего Сына Христа на кресте и плачущую Сестру Его Софию, припавшую лбом к коленям. Из глаз Святой Дочери на самом деле сочилась вода, и слезам этим приписывалась чудотворная сила. Одна из достопримечательностей Бенойи, творение гениального художника прошлого века, которой Раулю прежде не доводилось видеть.

Он отстранённо подумал, что уже не зря пришёл сюда сегодня: скульптора была прекрасна, на неё стоило взглянуть.

А кроме того, эта статуя, равнодушная к людям у её подножия, была символом всего того, ради чего на сторону генералов встала Церковь. Святое Писание было одно, и христианская религия как будто одна, но верили все по-разному. В Бастии одинаково чтили обоих близнецов, считая их равными, в соседней Поркетте роль Святой Дочери умалялась до обычной святой, а в расположенном за горами Требьи, напротив, превозносили именно её и даже именовали свою религию софийством, хотя по сути отличалась она не сильно.

Очередное свидетельство того, как по-разному люди могут трактовать, казалось бы, одни и те же события, описанные в одной и той же книге...

Поглощённый и немного успокоенный отвлечёнными мыслями, Рауль не смог бы сказать, что заставило его встрепенуться и обернуться ко входу. Точно не орган, который зазвучал громче и торжественней лишь через пару секунд, и не стихающие голоса гостей. Наверное, сквозь открытые двери докатился отзвук ликования толпы.

Как бы то ни было, оглянулся он как раз вовремя, чтобы увидеть, как на пороге возникли две фигуры, чёрная и белая. К алтарю принцессу вёл духовник — отец на старости лет оказался слишком труслив, чтобы самому открыть дочери глаза на то, от чего старательно прятал её все эти годы.

И пока принцесса под руку со священником с торжественной неспешностью шла к алтарю, Рауль поймал себя на том, что любуется ею. Всё же Альба была хороша, а белый цвет — и платья, и украшающих причёску цветов, — очень шёл ей к лицу, и пусть зрительно делал кожу светлее, её это не портило. Расшитый лиф подчёркивал тонкую талию, глубокий вырез приоткрывал аппетитную грудь, а обнажённые плечи едва прикрывал серебристый туман фаты, добавляя хрупкости и неземной лёгкости.

Тяжёлое ожерелье с голубыми топазами привлекало взгляд в первую очередь тем, что казалось единственным грузом, мешавшим девушке покинуть грешную землю. Пытаясь сообразить, отчего выбор невесты пал именно на эти крупные холодные камни, о тонкостях свадебного этикета Браво де Кастильо вспомнил далеко не сразу. А когда вспомнил, отреагировал совсем не так, как надеялась Альба, настаивая утром на этом демарше. Понимающе улыбнулся, с поклоном принимая у духовника тонкую девичью ладонь в изящной кружевной перчатке… и мысленно обозвал себя слепым ослом.

Дрожащие пальцы. Затравленный, испуганный взгляд синих глаз. И платье было совсем ни при чём: кожу принцессы выбелил страх.

Осёл, точно. Шёл, злился, обижался на судьбу и совсем забыл, что не одного его отправили сюда в приказном порядке. И ладно он, взрослый мужчина, который много чего видел в жизни; но каково этой бедной девочке?

Не задумываясь о том, что нарушает установленный ритуал, Рауль поднёс безвольную ладонь невесты к губам, поцеловал вздрогнувшие пальцы, поймал тревожный, растерянный взгляд сквозь лёгкую дымку фаты. Ободряюще улыбнулся:

— Не трусьте, ваше высочество! Вы прекрасны всегда, но такая бледность вам всё же не к лицу.

Альба отвела взгляд и едва заметно передёрнула плечами. А Рауль не выпустил руки, оборачиваясь вместе с невестой к священнику, чтобы подняться на пару ступеней и остановиться у алтаря.

Понимающий, насмешливый взгляд Первосвященника он проигнорировал, а вот глубокий, судорожный вздох принцессы — услышал. И когда она запоздало сжала в ответ его ладонь — да нет, не сжала, буквально вцепилась! — неожиданно почувствовал себя спокойнее.

Голос священника, глубокий и сочный, зазвучал под сводами храма, унимая шепотки. Орган тоже смолк, и в наступившей тишине слова звучали как-то особенно веско, торжественно и почему-то — радостно. Да и говорил Первосвященник, кажется, совсем не то, что говорили в таких случаях обычно.

Он, обратив своё вступительное слово в проповедь, говорил хорошо, красиво, прочувствовано. Про то, что Провидению угоден этот брак, что перед ним не просто двое человек, но два сердца, которым суждено биться в унисон. Что ему было видение голубки с ветвью лавра, что добродетельность и чистота юной девы найдут опору и защиту в лице достойного мужа…

Первосвященник в совершенстве владел ораторским искусством, и Рауль затылком чувствовал, как проповедь окутывает прихожан незримой пеленой — и здесь, под сводами собора, и за его пределами, потому что голос священника звучал над площадью благодаря старому артефакту, созданному тем же умельцем, что и статуя. И генерал, наверное, тоже проникся и вдохновился бы, если бы пальцы невесты не впивались в его руку всё более остро, судорожно. Чем-то ещё помочь принцессе он не мог, и всё, что оставалось, это поглаживать большим пальцем тыльную сторону девичьей ладони, силясь через это прикосновение и две перчатки передать хоть немного спокойствия и мужества.

То ли Первосвященник что-то заметил, то ли сам собой уже подошёл к сути, но наконец начался обряд. По кивку священника, которого Альба, кажется, не заметила, Рауль сам поднял перепуганной невесте фату. Первое «да» принцессы о готовности разделить кров, пищу и жизнь плотскую вышло звонким и нервным, но это мелочи: главное, оно прозвучало.

Рауль помог отщипнуть от традиционного хлеба кусочек, который вложил в дрожащие пальцы принцессы, чтобы самому потом осторожно забрать губами. Уже по собственному почину мимолётно поцеловал нежную кожу запястья над краем печатки. И хотя взгляд Первосвященника от этого стал ещё более лукавым, Раулю было плевать на святошу: главное, белые щёки невесты опять тронул румянец.

Хлебом из его рук Альба едва не поперхнулась, и второе «да» о готовности разделить радости, горести и жизнь духовную вышло сиплым, сквозь слёзы. Тут кстати пришлась пара глотков вина из большой серебряной чаши, которую тоже держал жених: она и так весила немало, а уж в своём нынешнем состоянии принцесса неизбежно уронила бы сосуд.

И, наконец, третье «да» о готовности вверить себя заботам супруга, слушаться и уважать его, дарить ему заботу и хранить домашний очаг, вышло совсем робким, дрожащим, но Альба всё же сумела его произнести. А вот защёлкнуть на запястье жениха брачный браслет, ловко подсунутый шафером, — уже не смогла, и здесь тоже потребовалась помощь Рауля, который накрыл её ладонь своей, направляя и помогая.

Когда Первосвященник разрешил поцеловать невесту, скрепляя обеты, жених обнял её за талию не столько для поцелуя, сколько ради того, чтобы помочь устоять на ногах. Альба в ответ отчаянно вцепилась в его китель, позволила приподнять своё лицо за подбородок и уставилась на генерала со смесью страха, надежды и Бог знает чего ещё.

По правилам от жениха требовалось лишь лёгкое прикосновение, обозначение поцелуя, но Рауль не собирался упускать шанс если не успокоить, то хотя бы отвлечь невесту. Чёрт возьми, он же обещал, что постарается стать ей хорошим мужем! И как бы ни раздражала его вся эта ситуация, вины Альбы в происходящем не было вовсе.

Бледные губы оказались холодными. От первого прикосновения принцесса вздрогнула и напряглась, но лишь крепче вцепилась в чёрную ткань мундира. А Рауль целовал нежные, безвольные губы как мог мягко, осторожно, легко прихватывая и отпуская то верхнюю, то нижнюю, согревая дыханием, поглаживая и не позволяя себе, однако, переступить грань приличий. А соблазн оказался велик, когда через несколько мгновений Альба начала отвечать — неумело, но старательно.

Рауль напомнил себе не увлекаться, но напоследок не удержался, поймал губами нижнюю губу принцессы, приласкал языком, пробуя на вкус. Альба вздрогнула от неожиданности, но как-то ещё отреагировать не успела: мужчина отстранился и искренне улыбнулся, когда она недоверчиво коснулась пылающих губ кончиками пальцев. Щёки её окрасил румянец, казавшийся лихорадочным, но он был лучше мертвенного оттенка подступающего обморока.

К тактично дожидавшемуся окончания поцелуя Первосвященнику, который уже откровенно посмеивался над парой, Рауль обернулся в задумчивости, а Альба — с некоторым опозданием, всё ещё не опустив поднятой в замешательстве руки. И если девушка была ошеломлена новыми неожиданными ощущениями так, что не сразу сумела от них отвлечься, то её жених — озадачен, причём в первую очередь собственными эмоциями.

Раулю никогда не приходилось иметь дела с настолько невинными девицами, не знавшими не то что откровенных мужских ласк, но даже столь безобидных поцелуев. Не ожидал он, что «неизбалованность принцессы мужским вниманием» стоило толковать настолько буквально. Он до сих пор не задумывался о том, что вообще у всех девушек и юношей какой-то поцелуй бывает совсем первым, и сейчас пытался вспомнить, а когда подобное произошло с ним?

Но это ладно. Главное, Рауля озадачивали удовольствие, которое доставил этот простой поцелуй, и мысли с оттенком мечтательности о том, что как минимум соблазнять собственную теперь уже жену будет приятно и интересно. Совсем неопытная, да, но искренняя, отзывчивая и чуткая…

А ещё было неожиданно приятно сознавать, что прежде её не касался ни один мужчина. И за странные собственнические мысли, каких Рауль прежде за собой не помнил, было стыдно.

Поглощённый этими размышлениями, он пропустил мимо ушей поздравление и едва не пропустил благословение, но тут его своевременно ткнул в бок веселящийся Хорхе. Принцесса тоже не сразу очнулась и сообразила поклониться и поцеловать перстень Первосвященника.

А потом одна церемония перешла в другую, ещё более ответственную, и быстро стало не до отвлечённых мыслей.

На мраморе всё тот же Хорхе по команде священника расстелил поданный служкой толстый сине-бело-серебряный коврик — трогательная забота о коленях будущего правителя. Рауль помог опуститься принцессе, которая хоть немного и ожила после поцелуя, но опять начинала нервничать, была по-прежнему растеряна и взволнованна, и только потом преклонил колени сам. И руки супруги он всё это время не выпускал.

Альба была благодарна за ту опору, которую ей предоставил генерал. За ночь она так и не сомкнула глаз, утром едва сумела выпить чашку какао, не притронувшись больше ни к какой еде, и с тех пор проронила едва ли больше десятка слов. Паула хлопотала над ней словно наседка, но всё, чем сумела помочь, — это небольшой флакончик с нюхательной солью, которая разгоняла чёрную хмарь перед глазами, но совсем не уменьшала паники и не проясняла голову, в которой метались испуганные мысли.

Принцесса чувствовала себя куклой, которую моют, одевают и причёсывают. Единственный раз она вынырнула из этого полузабытья, когда потребовала принести ей топазовый гарнитур, и Паула, хоть и ворчала, но не стала спорить с подопечной — за неё было попросту боязно и не до таких мелочей.

Открытая коляска, запряжённая четвёркой белых лошадей цугом. Нарядная Чита, вызвавшаяся сопровождать свою госпожу, сидела с ней рядом, нарушая тем самым, конечно, правила, но доверить принцессу было больше некому. Отец Валентин хмурился, с тревогой поглядывая на Альбу, и не мешал попыткам неугомонной молочной сестры её расшевелить. Бесполезным, впрочем.

Какие-то офицеры подали принцессе руки, помогая спуститься. Читу вообще вынули за талию и поставили на брусчатку, и девушка успела кокетливо улыбнуться симпатичному лейтенанту, но тут же поспешила за госпожой, чтобы расправить ей платье и фату.

Всё происходящее Альба отмечала краем сознания, но никак не могла до конца поверить, что это происходит с ней. Какой-то нелепый сон, в котором окружающие фигуры смазывались, теряли облик и сливались в единый невнятный образ. В гулком центральном нефе собора стало совсем уж нехорошо, сердце застучало в ушах, заглушая звуки органа.

Удивительно отчётливо на этом смазанном фоне выделялась фигура жениха. Высокий, статный, при шпаге, он, однако, не восхищал сейчас Альбу, а лишь ещё больше пугал — смотрел пристально, внимательно, и никак не получалось прочитать выражение чёрных глаз. Равнодушие? Недовольство?

Духовник попытался мягко успокоить воспитанницу чарами, но ничего не вышло: собственный дар принцессы отторгал сейчас всякое воздействие. Оставалось молиться, чтобы девочке хватило сил.

Однако добравшись наконец до алтаря сквозь ряды скамеек, словно приговорённый сквозь толпу зевак, в конце чудовищно длинного и сложного пути Альба неожиданно встретила не холодную отчуждённость, которой ждала, а тёплую и очень обаятельную улыбку с ямочкой на правой щеке и лукавым блеском в глазах. А голос у жениха оказался низким, бархатистым, обволакивающим и — согревающим. И почему она не обратила на это внимание раньше?..

Голос и большая твёрдая ладонь, которая даже сквозь две перчатки казалась горячей. Альба не услышала, что сказал ей жених, но невольно подалась к нему ближе и ухватилась за его руку — за тепло, которое от неё исходило. Принцесса вдруг осознала, что от холода немеют руки и ноги, хотя в Бенойе стояла ранняя осень, и до холодов было ещё далеко.

Казалось, только присутствие генерала и не позволяло Альбе провалиться в обморок. Она то и дело порывалась всё-таки достать заветный пузырёк из кармашка платья, но каждый раз одёргивала себя — не посреди церемонии же! Тем более пока как-то удавалось держаться — на упрямстве ли или на неожиданной помощи и поддержке мужчины. Принцесса уже и думать забыла, что вчера злилась на него и хотела уязвить, сейчас она цеплялась за него, как та лоза, помянутая Паулой, и сомневалась, что вообще сумеет стоять самостоятельно.

Особенно когда генерал Браво де Кастильо в положенный церемонией момент мягко обнял её за талию, привлёк к себе и поцеловал. В несколько мгновений холод столкнулся с жаром, которым Альбу окатило с ног до головы. Но легче от этого совсем не стало, лишь пульс громче застучал в ушах и ноги больше подкосились.

А ещё к этому прибавилось странное ощущение звонкой лёгкости во всём теле, и принцесса не смогла бы с ходу ответить, вцепилась она в мужчину, чтобы не упасть или чтобы не взлететь.

Осторожные ласкающие прикосновения уверенных мягких губ заставляли голову кружиться, всё её существо бездумно тянулось навстречу, и хотелось, чтобы это не заканчивалось. Поцелуй едва уловимо пах кофе, и, хотя Альба никогда прежде не любила этот запах, сейчас тёплая горечь, смешанная с ещё каким-то незнакомым, но приятным запахом, будоражила и манила.

Когда мгновения осторожной ласки вышли и генерал отстранился, принцесса ощутила ещё большую растерянность, чем до поцелуя, щедро приправленную смущением.

Она никогда не понимала, почему поцелуи считаются приятными. Просто прикосновение, чем оно лучше других? Однако сейчас губы горели, сердце трепетало в горле, и Альба со смесью удивления и стыда понимала, что ей хочется продолжения.

Вот только какого? Поцелуи поцелуями, но это ведь далеко не всё!

Принцесса не к месту задумалась о том, что происходит в супружеской спальне в первую брачную ночь и, значит, предстоит ей. Вот с этим самым мужчиной, которого она совсем не знает…

Опять всколыхнулся страх, на этот раз — замешанный на любопытстве и приправленный сомнениями с неуверенностью. Он не достоин? Она не позволит? Он привлекателен? Она сама этого хочет? Она сама по себе не может быть ему интересна?..

За всеми этими тревогами церемония коронации прошла почти мимо сознания принцессы. Не было даже боли, когда священник надрезал её запястье и окропил кровью коронные регалии, проделав следом ту же процедуру с её свежеобретённым мужем.

Который, напротив, наблюдал за происходящим очень внимательно. Он знал процедуру, знал, что легенда о том, будто корона не примет недостойного, совсем не легенда. Не примет. Больше того, и убить может, такое уже случалось. Даже немного жаль, что Алехандро казнили раньше, было бы интересно узнать, как он планировал обмануть регалии...

Пару почти одинаковых, отличавшихся только размером парадных венцов создавал знаменитый два века назад талантливый артефактор-ювелир, любимец тогдашнего Первосвященника. Король Кристиан Ревнивец не просто так вошёл в историю с этим прозвищем: он безумно любил свою жену и во имя этого чувства совершил много странных поступков. Парные венцы заказал он, чтобы точно быть уверенным, что наследовать ему будет именно его сын. Наследовал, но — через десять лет после смерти отца, следом за которым власть взяла в свои руки королева Агата Кровавая. С тех пор было всего три случая, когда при коронации использовались оба венца сразу.

В момент, когда тяжесть короны легла на голову, Рауль невольно задержал дыхание. И понял, почему на самом деле принято вставать на колени.

Золотой обруч до боли сдавил голову, и появилось ощущение, будто душу претендента на престол кто-то выворачивает наизнанку, вытаскивает на поверхность всё постыдное, мерзкое, греховное, взвешивает и решает, какого наказания он достоин. Рауля словно накрыло Плащом Веры — излюбленным заклинанием мечей Господних. Не смертельным и почти безобидным… если не сойдёшь с ума.

Казалось, длилось это целую вечность, но на деле прошло всего несколько секунд, когда сияющая белая пелена перед глазами пропала, а Первосвященник торжественно провозгласил:

— Радуйся, народ Бастии, достойному королю! Радуйся, народ Бастии, достойной королеве! Слава королю Раулю! Слава королеве Альбе!

Браво де Кастильо, слушая это, с тревогой обернулся к жене. Та снова была мертвенно-бледной, она ответила ему растерянным и совершенно оглушённым взглядом. Рауль мысленно ругнулся, помянув злым словом артефактора и Кристиана Ревнивца, поднялся, потянул супругу за обе руки вверх.

Альба сумела встать, но едва не упала снова. Наплевав на традиции, новопровозглашённый король одной рукой обхватил свою королеву за талию, буквально удержав на весу.

— Держитесь, ваше величество, ещё немного, — тихо шепнул он, улыбаясь — или всё же скалясь? — сдержанно гомонящей толпе.

Зал встал на ноги, слышались одобрительные выкрики, кто-то стоял молча и пристально разглядывал венценосную чету. Последние были наиболее интересны, но этим сейчас занимались люди Хорхе, а у самого Рауля была другая задача. До сих пор, правда, она заключалась в том, чтобы «поторговать лицом», как метко назвал это Октавио, но сейчас его куда больше волновало состояние Альбы.

— Ну что, двинулись, — тихо напомнил за спиной Хорхе. — Первый акт окончен.

— Сеньор генерал… — слабо пробормотала принцесса, то есть уже королева, впервые обратившись к нему прямо. Она была белее собственного платья и лишь чудом ещё не упала в обморок. — Мне… Надо… Боюсь, я…

— Выше нос, прелестная сеньорита, прорвёмся, — решился Рауль и, плюнув на все возможные пересуды, подхватил жену на руки.

Белые юбки взметнулись пенной волной, открыв стройные щиколотки и серебристые туфельки. Альба ахнула от неожиданности и нервно вцепилась свободной рукой в алую орденскую ленту, народ в соборе взбурлил громче, а главный разведчик за спиной тоскливо вздохнул:

— Рауль, твою мать!..

— Побудь хорошим шафером, поправь невесте платье, — огрызнулся тот, с недовольной гримасой уклоняясь от венца жены, один из зубцов которого едва не ткнул в глаз.

Возражений не последовало.

— Прошу прощения, ваше величество, — вздохнул Хорхе и действительно аккуратно расправил королевскую юбку.

Рауль двинулся вперёд спокойно и уверенно, напоминая себе держать лицо и улыбаться, а не коситься встревоженно на свою ношу. Которая хоть и стала менее бледной, но всё равно вызывала тревогу и — вопросы. И хотя никто ни о чём таком не предупреждал, но нехорошие подозрения Рауля терзали. Вдруг уговоры не помогли и кто-то решил, что от пары зелий хуже не будет? А хуже всего, что по бледной и не стоящей на ногах невесте эти же выводы мог сделать кто-то ещё.

— Ваше величество, не могли бы вы на ступенях сделать одну вещь? — обратился он к королеве, замешкавшись перед выходом.

— Какую? — вопрос прозвучал уже более живо, кажется, дурнота опять отступила.

— Поприветствуйте подданных. Помашите им рукой. У меня они, как вы понимаете, заняты.

Он с облегчением увидел, что губы её тронула неуверенная улыбка.

— Хорошо, генерал.

— И улыбайтесь, вам очень идёт улыбка.

— Вам тоже, — кокетливо ответила девушка, и у Рауля немного отлегло от сердца: чем бы ни объяснялось её прежнее состояние, на стороннее воздействие это всё же не походило.

Он остановился на верхней ступени, вглядываясь в толпу и позволяя толпе вглядеться в них обоих. Его ноша, как и обещала, выпустила измятую ленту, неуверенно помахала ладонью в кружевной белой перчатке и вздрогнула от многоголосого вопля «Слава королеве Альбе!».

— Чему они так радуются? — растерянно спросила она, подняв глаза на мужа.

— А вы разве не слышите? — улыбнулся он. — Вас любят и на вас надеются.

— На меня? — ещё больше растерялась девушка. — Но король же теперь вы!

— А вы королева, если не заметили, — развеселился генерал.

Альба в ответ промолчала, наконец разглядывая мужчину вот так вот вблизи, при ярком свете.

Она до сих пор не понимала, как умудрилась не свалиться в обморок в тот момент, когда ей на голову возложили эту тяжеленную корону, и как сумела подняться после. Но была искренне благодарна генералу за то, что не дал ей рухнуть у алтаря. Да и потом…

Её никогда прежде не носили на руках мужчины. Это оказалось очень приятно, немного страшно из-за высоты, но при этом — всё равно спокойно. Надёжно. У неё даже почти перестала кружиться голова. А ещё, разглядывая своего мужа, Альба наконец окончательно призналась себе, что он ей нравится. И Чита права, он ведь правда красивый: густые мягкие волосы, правильные черты мужественного лица, выразительные тёмно-карие глаза. И не такой уж старый, только и есть что лучики морщинок в уголках глаз, но это, наверное, не от возраста, а от улыбки. И улыбка красивая. И голос очень приятный, бархатистый, отчего вроде бы простое обращение — ваше высочество, ведь от кого она только этого не слышала! — в его устах звучало по-особенному.

И шрам его в самом деле не портил, потому что совсем не страшный, аккуратный — тонкая белая линия, перечеркнувшая бровь, веко и скулу. Наверное, след от шпаги на дуэли, или маленькое чудо где-то на войне — ещё немного, и он бы лишился глаза…

Альба поймала себя на том, что очень хочет потрогать эту белую полоску, которая казалась нарисованной. Но для этого надо было снять перчатку, на что не хватило решимости, а потом генерал вовсе отвлёк молодую супругу от созерцания.

— Показушники, — вдруг негромко хмыкнул он.

— Кто? — уточнила королева. Муж кивнул в сторону, и она не сразу сообразила, что речь шла о почётном карауле.

От ступеней собора до открытой кареты выстроились живым коридором всадники со вскинутыми шпагами, и, по мнению Альбы, это было очень красиво — лоснящиеся рыжие шкуры ухоженных рослых лошадей, блестящие аксельбанты, галуны, пуговицы, чёрно-алые мундиры на подтянутых молодых офицерах, солнечные блики на отточенных лезвиях. А уж то, что первые две лошади по неуловимой команде всадников одновременно поклонились, и вовсе привело Альбу в восторг.

Чита, сидевшая с кучером на козлах, с тревогой обернулась к своей госпоже, но тут же успокоилась, отметив, что та улыбается.

Рауль осторожно поставил принцессу в экипаж, взволнованно проследил за ней и облегчённо улыбнулся, когда она не завалилась в обморок, а неловко устроилась на сиденье, путаясь в пышной юбке. Помог расправить складки, и только после поднялся следом. Альба вздрогнула и ухватилась обеими руками за борт коляски, когда та качнулась и просела на сторону под весом мужчины. В ответ на укоризненный взгляд он насмешливо подмигнул и втиснулся на узкое сиденье рядом с супругой, да ещё и обнял.

— Не забывайте улыбаться и приветствовать народ, ваше величество, — напомнил Браво де Кастильо.

Шершавая ткань мундира пощекотала обнажённые плечи, и по спине Альбы пробежали мурашки.

— Это странно... Почему они так радуются? — Близость мужчины взволновала, и королева постаралась отвлечь себя от этого. — Ведь настоящий король ушёл, а меня никто не знает… Они же должны скорбеть!

— Король передал власть законной дочери, о чём скорбеть? — Рауль мог бы рассказать подробнее, но сейчас для этого было не место и не время.

— Я же не умею быть королевой, и править будете вы, — возразила она.

— Всему можно научиться, — дипломатично отозвался он. — Как вы себя чувствуете? В церкви вы были очень бледны и едва стояли на ногах.

— Волновалась и плохо спала ночью, меня, знаете ли, не каждый день выдают замуж за совершенно незнакомых мужчин, — проворчала она и, не удержавшись, высказала свою недавнюю обиду: — Которые к тому же не удосужились нормально попросить моей руки. Чему вы улыбаетесь? — возмутилась она.

— Людям, — ответил он насмешливо. — И вам бы стоило.

— Ничего подобного, на публику вы улыбаетесь иначе, — возразила Альба. — У вас очень выразительная мимика.

— А вы очень наблюдательны.

— Сеньор генерал, вы уходите от ответа! — она обиженно ткнула его локтем в бок, на что мужчина искренне рассмеялся. — Да что вас так веселит?!

— Вы очень милы и непосредственны, и я рад, что вы вновь чувствуете себя хорошо, — отозвался он. — А для того, чтобы я мог ответить, наверное, нужно задать вопрос.

— Хорошо. Почему вы не попросили моей руки сами? — прямо спросила она. Он потешался над ней, это было ясно, но ей всё равно нравилась его улыбка и бархатный баритон, и за это Альба злилась уже на себя. Старалась держаться холодно и спокойно, но всё равно не выдержала: — И прекратите уже надо мной смеяться!

— Простите, ваше величество, — Рауль слегка наклонил голову. — Если я обидел вас, то невольно. Всё было решено, и мне, напротив, казалось оскорбительным задавать вопрос, лишив при этом права ответить на него по вашему усмотрению.

— Хорошо, я вас прощаю, — уронила она задумчиво. Это действительно было гораздо лучше того, что она себе придумала. Правда, генерал опять улыбался, и опять забавляла его она, но Альба решительно продолжила задавать те вопросы, которые её беспокоили: — Ответьте честно, вы женились на мне только ради короны? И если бы не она, вам бы и в голову

подобное не пришло, верно? Да прекратите вы уже так улыбаться! — она опять ткнула его в бок, на этот раз кулаком.

— Вы неправильно ставите вопрос, — вздохнул Рауль и наконец посерьёзнел. То есть продолжал улыбаться, помня, что на них смотрят люди, но одними губами, и Альба почувствовала себя уверенней. — Если бы не вся эта ситуация, мне бы и в голову не пришло просить вашей руки. Не из-за того, какая вы, а из-за того, кто вы. Кабальеро не ровня принцессе, и я прекрасно помню об этом, — он аккуратно поправил её завернувшуюся серьгу. Будто невзначай, но Альба поняла намёк и смутилась.

— Простите, это было грубо с моей стороны, — проговорила она, нервно огладив топазы на шее.

— Вам не за что извиняться, — мягко улыбнулся он. — Жаль одного: на мой вкус, жемчуг подошёл бы вам больше. Но, может, так лучше…

— А если бы я не была принцессой? — она пристально, испытующе глянула на мужа.

— Что?..

— Если бы я не была принцессой, вы бы женились на мне?

— А вы бы вышли за меня замуж? — опять развеселился он. И ещё больше — когда Альба обиженно насупилась. — У вас тоже очень выразительная мимика. Ваше величество, вы же прекрасно понимаете, что я ничего не могу на это ответить. Мы почти не знакомы. Пока я с уверенностью могу сказать одно: вы милы и очень красивы. Но если бы я сам решил жениться и выбирал невесту, вряд ли делал бы это по одной наружности.

— А у вас она была?

— Кто?

— Настоящая невеста. Женщина, которую вы любили, — спросила Альба и опять недовольно воскликнула: — Ну вот, вы опять смеётесь!

— Ваша прямолинейность… ошеломляет, — не сразу подобрал он подходящее слово. — Нет, у меня не было невесты и нет возлюбленной. Только мимолётные романы. Да и то в последние годы было совсем не до них.

— Хорошо, — удовлетворённо кивнула юная королева, уже не обращая внимания на веселье своего супруга. Пусть забавляется, раз ему так весело, а она должна всё узнать! — А вы могли бы полюбить меня? — спросила и с удовольствием отметила растерянность на его лице.

Которая, впрочем, быстро прошла, и от прямого ответа генерал мягко уклонился:

— Не будем гнать лошадей с места в карьер, ваше величество. Давайте для начала познакомимся поближе и попробуем подружиться.

— Подружиться разве проще? — она вопросительно вскинула брови.

— Любовь — слишком сложное и громкое слово, и я не могу сказать, что хорошо в ней разбираюсь, — тщательно подбирая слова, Рауль смотрел на неё с весёлой растерянностью, и Альба не знала, как на это реагировать.

— Что в ней сложного? Я люблю отца, люблю кормилицу…. А вы разве никого не любите?

— Это другая любовь, ваше величество, — вздохнул он. — К родным, к стране, да к чему угодно! И даже она не возникает вдруг. А любовь между мужчиной и женщиной — тем более.

— А тех женщин, что у вас были, вы не любили? — подозрительно уточнила Альба, и её муж опять не сразу нашёлся с ответом.

— Пожалуй, нет, — всё же решил он быть откровенным до конца. — Это были… кратковременные отношения.

— Зов плоти, да, я понимаю, — невозмутимо кивнула она, но поинтересоваться, почему муж так странно посмотрел в ответ, не успела: экипаж остановился у парадного подъезда Большого дворца.

Рауль же встретил окончание этого разговора с облегчением. Прямолинейность и откровенность жены обескураживали его и выбивали из равновесия, а заключительное высказывание стало последней каплей. Запоздало он, конечно, сообразил, что, как целительница, Альба должна знать и такое, но это случилось уже после, когда он спрыгнул с высокого борта коляски, а поначалу откровенно растерялся — не вязалась подобная рассудительность с потрясающей неискушённостью супруги.

А самое странное, ничего из этого не было маской. Рауль насмотрелся на притворство всех мастей, и готов был поручиться, что девушка не играла. Не пыталась шокировать или спровоцировать собеседника, засыпая его неудобными вопросами, а действительно хотела знать ответ и не задумывалась о том, чтобы облечь свой интерес в более приличную форму. И уж тем более неподдельным были её смущение и растерянность в ответ на прикосновения — и в церкви, и даже сейчас, когда он решил не утруждать юную королеву вознёй с юбками и вместо того, чтобы подать ей руку, просто обхватил за талию и снял с экипажа.

Альба испуганно уцепилась за его плечи и заметно смешалась. И, кажется, не заметила, как тихонько подкравшаяся сзади служанка заботливо расправила платье и фату госпожи, с любопытным опасением поглядывая на её мужа. А тот отступил на полшага и с лёгким поклоном подал супруге руку — учтиво, ладонью вниз, — предлагая следовать дальше. Бледной Альба уже не выглядела и явно преодолела свои страхи, и за его запястье ухватилась крепко и решительно.

Нельзя сказать, что за минувшее время Рауль успел хорошо узнать свою жену и преисполнился воодушевления, но сумел окончательно принять новую действительность. И если разговоры о любви вызывали в нём даже больше скепсиса, чем он продемонстрировал, это совсем не мешало наконец перестать воспринимать нежданный брак как жертву и тяжёлую повинность. Могло быть гораздо хуже, а юная принцесса… Что ж, по меньшей мере, скучно с ней не будет.

Если бы новая роль, конечно, оставила ему хоть немного времени на скуку…

Глава 3. Боевой порядок

Приём по случаю королевской свадьбы и последующей коронации был скромным. Настолько скромным, что немногочисленные присутствующие не уставали язвить на эту тему: и о грубых солдафонах, и о жадности нового короля, и о безобразно малом времени на подготовку к такому торжеству — женщины не успели пошить себе платья. А женщины негромко шептались между собой, обмахиваясь веерами, с любопытством поглядывали на непривычное количество военных мундиров вокруг, и далеко не все из них выглядели расстроенными. Обсуждали, конечно, и юную королеву, и короля и больше всего — гадали, исправится ли он и вернутся ли привычные пышные торжества.

За всеми этими пустыми и по сути безобидными разговорами прятался страх. Заговорить вслух о том, что действительно волновало, никто не осмеливался. Конечно, в высшем обществе хватало тех, для кого подобные придворные сплетни составляли основную часть жизни, но здесь и сегодня их было немного. Настолько немного, что это наталкивало на самые разные тревожные мысли. Кто-то, например, откровенно трясся и поглядывал на военных затравленно, полагая, что не переживёт этот вечер.

Эстебан Андалес де ла Марино, гранд Андалия, которого при дворе часто называли владыкой Юга, к числу последних, то есть трусов, не относился. Напротив, план уехать домой в Андалию он отложил на неопределённый срок, желая быть в курсе происходящего в столице, и на торжество это явился с большим интересом. Он не относился к любителям ловить рыбку в мутной воде, но и чужой добычей становиться не желал, так что предпочитал быть в курсе последних событий. На площадь и в собор сунуться не рискнул, предпочитая довериться соглядатаям, но и то беспокойство оказалось ложным: вояки подготовились отлично, привлекли к делу боевых клириков, и торжество прошло настолько спокойно, что это было даже скучно.

^Гранд — старший дворянский титул, самые влиятельные и богатые роды, крупные землевладельцы.^

Солдаты вообще всё провернули настолько ловко и держались сейчас настолько уверенно, что Эстебан слегка корил себя за прежнюю невнимательность. Никто всерьёз не рассматривал армию как политическую силу, в ней привыкли видеть инструмент в королевских руках. И кто бы мог подумать, что расплачиваться за это придётся вот так! Инструмент вдруг обрёл самостоятельность и начал диктовать правила, к которым приходилось приноравливаться.

Отдавая долг уровню организации, гранд Андалия решил не рубить сгоряча и приглядеться. Вдруг да и выйдет из этого что-то путное? Признаться, гранду настолько надоел старый король, не способный принять ни одного решения самостоятельно, что замены его хоть на кого-то Андалес де ла Марино ждал с нетерпением. Конечно, до сих пор он рассматривал как следующего короля Алехандро и именно к нему на троне готовился, но судьба распорядилась иначе.

А если любопытство окажется роковым и военные всё же начнут вешать неугодных без суда и следствия… Что ж, смерти он не боялся. Шестьдесят лет, успел пожить. Любимую супругу похоронил несколько лет назад, и был совсем не против встретиться с ней чуть раньше положенного. А дела было на кого оставить, сыновей они воспитали достойных, и старшему не стыдно и не страшно доверить абсолютно всё, он справится. Гранд спокойно оставлял провинцию на сына в мирное время, уезжая в столицу, и не сомневался, что сможет рассчитывать на него в случае войны.

Сейчас Эстебан стоял в стороне, рассеянно потягивал из бокала посредственное вино и наблюдал за королевской четой, перебирая в памяти те слухи, которые ему успели принести. У Федерико вино было не лучше, так что в этом смысле ничего не изменилось, а король…

Версия, что принцессу Альбу чем-то опоили, была заманчивой, но понаблюдав за королевой здесь и сейчас, гранд Андалия посчитал её откровенно слабой. Что девушка чуть не упала в обморок на коронации, легко объяснялось совсем другими вещами — королевские регалии были тяжёлой ношей, и история знала разные конфузы. Зато сейчас юная Бланко держалась именно так, как и положено юной, в меру разумной девушке. На мужа своего поглядывала без восторженной влюблённости, но с интересом, а на людей вокруг — с приличными любой дебютантке волнением, предвкушением и любопытством. Девчонка. Хорошенькая ширма, которую вряд ли кто-то воспринимал всерьёз.

Генерал Рауль Браво де Кастильо, то есть уже король, в этом тандеме был гораздо интереснее. В байку о том, что бывшего короля он свергнул ради своей отчаянной любви к принцессе, Эстебан не верил, это явно была сказочка для черни и романтичных пустоголовых дурёх. Но сказочка, надо признать, не лишённая остроумия, и держал её сеньор Браво неплохо, без фальши, не переигрывая, некоторым столичным актёрам неплохо бы поучиться. Да и многим мужьям взять в пример. Глупым влюблённым взглядом не смотрел, но был предупредителен и ни на минуту не забывал, с кем он здесь в первую очередь. Сам танцевал только с женой, но юной красавице не запрещал блистать, позволяя менять кавалеров.

В общем, гранд Андалия готов был ему аплодировать. Как и остальным актёрам, то есть соратникам новоявленного короля. Вот, например, сеньор Мануэль Рамос де Вега с двумя почтенными донами. И не нужно подходить ближе, чтобы догадаться о теме разговора: лошади. Старый кавалерист знает о них всё, а эти два идальго — известные заводчики из приграничной Аспьеры, выжженной недавней войной, но приросшей после её окончания изрядным куском территории. Оба приехали просить у короля помощи, и уж наверное они её получат, судя по тому, что к ним будто невзначай присоединился отец Серхио, в миру…. А впрочем, какая уже разница, кто он в миру, если здесь и сейчас — он голос Церкви, которая вполне явственно благоволит новому королю? Тоже сила, которую почтенные доны, увлекшись дворцовыми интригами, упустили из виду.

^Идальго — младший дворянский титул, который имеют землевладельцы, начиная от самых мелких, некоторые из них не уступают в богатстве и влиянии грандам. Лишившись земли, идальго становится кабальеро — безземельным дворянином.^

— На смену моту пришёл жмот, так, что ли, дон Эстебан? — отвлёк гранда Андалию мерзкий кривляющийся голосок.

— Ты ещё здесь, ничтожное создание? — лениво отозвался Андалес де ла Марино, поджав губы и не удостоив шута Чуи взглядом. Этот уродец вызывал у него чувство гадливости, и понять, за что Федерико привечал дурака, Эстебан не мог никогда. — Странно, что ты ещё не получил пинка под свой тощий зад.

— Он слишком тощий и ничтожный для генеральского сапога. Паршивая мишень! То ли дело гранды с идальго! — захихикал тот.

— Поэтому ты стараешься держаться от них подальше? Вдруг рассмотрят?

— А я как ты, владыка юга, — нагло парировал шут.

Эстебан всё же опустил взгляд на собеседника и привычно не сдержал брезгливой гримасы.

Сутулый, с тощими кривыми руками и ногами, большим крючковатым носом, лягушачьим размалёванным ртом и плешивой шишковатой башкой, шут выглядел мерзко и неопрятно в своих ботинках с длинными загнутыми носами, полосатых лосинах и пёстрой

рубахе. Если Господь создал человека по своему подобию, то этот тип выглядел дьявольской насмешкой над замыслом Творца. Особенно в сравнении с подтянутым и рослым моложавым грандом Андалией, который в свои шестьдесят не лишился ещё ни обаяния, ни стати, ни трезвости ума и ясности взгляда.

Но дураком эта хитрая бестия не была, и только по этой причине Андалес де ла Марино её выслушивал. Чудовище в потёртых цветастых тряпках с деревянной кривой короной на башке не просто так прицепилось к Эстебану, чего-то оно от него хотело. И он был не прочь понять, какие цели преследует шут.

— Кому ты служишь, ничтожное создание? — гранд Андалия вопросительно приподнял густую седую бровь. Прежде он был уверен, что королю, однако Федерико нет, а его убогая игрушка — вот она…

— Короне, почтенный дон, — с улыбочкой раскланялся тот. — Короне. Как и ты, как и все мы. И какая разница, на чью голову она напялена, а?

Гранд Андалия криво усмехнулся, разглядывая деревянную пародию на шутовской голове. Но отвечать на выпад не стал, ожидая, когда уже Чуи перейдёт к тому, зачем явился. Помогать ему наводящими вопросами он не собирался.

— Ты смелый человек, гранд! — заявил шут, прокатился кривым колесом, вернулся обратно и рухнул у ног собеседника. Эстебан вновь лишь брезгливо поджал губы, не вздрогнув и не отшатнувшись. — А может, глупый? Король-то новый молод, он на память не жалуется!

— Это не может не радовать, — заметил гранд Андалия, находя взглядом упомянутого. Вместе с молодой женой тот медленно курсировал по залу, перетекал от одной компании к другой, изображая радушного хозяина. Вся свита его состояла из единственного адъютанта, молодого и не по годам серьёзного лейтенанта.

— Как думаешь, дон Эстебан, помнит король тебя? А поместье «Тополиный ручей» и не выданную ссуду? А идальго Браво в петле? Ради мести почтенные сеньоры на многое готовы, уж не из их ли числа молодой Браво? — голос шута замурлыкал вкрадчиво. Взгляд круглых, навыкате, глаз был просительным, понимающим, сочувствующим. Снизу вверх, словно у нищего, клянчащего милостыню.

Эстебан едва не сплюнул под ноги от омерзения.

— Проваливай, шут. Ты мне противен.

— Как угодно почтенному дону, — раскланялся тот и укатился колесом прочь, гранд Андалия не стал следить, куда. То есть что хотел — уродец сказал, и поди пойми зачем…

Предупредить? Просто так, из лучших побуждений? В человеческий альтруизм Эстебан не верил, тем более в альтруизм вот этого… существа. По приказу своего повелителя? Знать бы, кто это! Если бы он был другом, вполне мог предупредить лично, а не подсылать Чуи. Если врагом — тем более не с чего ему желать добра гранду Андалии. Так что принимать странное предупреждение на веру Эстебан не спешил, однако…

Доля правды в словах шута была. У Браво де Кастильо действительно мог быть счёт к гранду его родной провинции, но о том, насколько он велик, оставалось лишь гадать. И в других обстоятельствах Эстебан предпочёл бы поберечь свою шкуру, поскольку не знал, насколько нынешний король способен отделять личные старые обиды от нынешних политических целей. Однако за спиной этого короля стояло семь фигур в генеральских мундирах, которые вполне могли удержать его от сведения старых счётов. Да и злых взглядов Браво де Кастильо на Эстебана не метал, и приветствовал его благосклонно и гостеприимно, как и остальных приглашённых. Так что, обдумав сказанное шутом, гранд Андалия решил следовать принятому ранее решению: ждать.

Однако откровенные намёки и напоминания мерзкого существа не пропали даром, и без того нерадужное настроение заметно испортилось. Эстебан глянул на ополовиненный бокал красного в своей руке, недовольно скривился и сунул его кстати подвернувшемуся слуге: про-

должать давиться этими помоями никакого желания не осталось. Владыка Юга решительно двинулся к столикам с напитками, твёрдо настроенный найти что-то поприличнее.

Жаль, он не сообразил подарить королю к свадьбе с полсотни ящиков приличного вина со своих виноградников. В конце концов, он тоже южанин, должен понимать в приличных напитках.

Последняямысль неожиданно развеселила. Сколько лет южные провинции мечтали подвинуть Бланко и посадить на его место кого-то из своих, и вот, пожалуйста, мечта сбылась! Непонятно, правда, для кого этот южанин свой, но нельзя не оценить иронию судьбы.

Остановив выбор на сидре, который как раз на севере был прекрасен, Эстебан отошёл от столиков с напитками и опять нашёл взглядом нового короля. Слова шута никак не шли из головы, и гранд пытался припомнить, что он слышал о генерале Браво де Кастильо. Насколько тот хладнокровен и мстителен, насколько велика вероятность, что он собирался припомнить эту старую историю? Ничего этакого вспомнить не удалось, но Эстебан решил, что нелишне перестраховаться и отписать сыну, пусть на всякий случай готовится к худшему.

***

Если бы Андалес де ла Марино, гранд Андалия, владел даром читать в душах людей, его беспокойство относительно выдержки и злопамятности нового короля очень укрепилось бы. Да Рауль и сам не ожидал от себя такой стойкости и терпения.

К светским развлечениям он относился по-разному. Иногда они вызывали отвращение, иногда — доставляли удовольствие. Высший свет то казался сборищем пустоголовых мерзавцев, а то — квинтэссенцией жизни, идеальным способом почувствовать себя частью мира, в котором есть место мелким житейским радостям и поверхностным, простым устремлениям. Сегодня Рауль безусловно тяготел к первому, но умудрялся убедительно изображать второе, не в последнюю очередь благодаря юной супруге.

Не отягощённая мрачными думами о мутных перспективах, она с искренним и живым любопытством юности встречала всех и всё. Безусловно, это было гораздо лучше той бледной тени, какой она выглядела в соборе, но Рауль, глядя на неё, чувствовал себя странно: не мужем, а отцом юной дебютантки. Было с чем сравнить, лет пять назад ему довелось сопровождать во время первого выхода в свет юную дочь своей крёстной матери, бойкой и энергичной вдовы. Вся разница сводилась к тому, что сейчас он гораздо больше танцевал со своей спутницей, чем тогда.

И в окружении, конечно, тоже. Если прежде внимания молодого блестящего офицера, к его удовольствию, искали только женщины, теперь приходилось вести другие разговоры. Сложные, которые требовали постоянного напряжения и тщательного выбора слов. Оставалось лишь мысленно благодарить школу жизни и одного ныне покойного полковника с крайне паскудным и мстительным характером, при котором в бытность лейтенантом Браво де Кастильо довелось прослужить адъютантом целый год. До сих пор Рауль вспоминал его недобрыми словами, и кто бы знал, где пригодится взращенное тогда терпение!

Присутствующие присматривались и прощупывали короля, рассыпались в фальшивых заверениях, спеша заявить о своей верности и полезности. Очевидно, точно так же, как заверяли совсем недавно Федерико. Ни один не осмелился прямо выказать хоть малейшее неудовольствие, и это вызывало отвращение, но — приходилось отвечать тем же и улыбаться в ответ. Новую власть из высшей аристократии по-настоящему не приняли два десятка стариков, присягавших прежнему королю ещё в молодости, и все они покинули столицу. Никакой реальной силы эти немногочисленные осколки былого величия не имели, и всё, что им оставалось, это вот такой немой протест.

Радовался Рауль сейчас только одному: довольно мягкому этикету родной страны. В соседней Бригиде, например, с которой Бастия воевала всё время своего существования, действия монарха и поведение окружающих его особ регламентировались настолько строго, что

позволить себе прогуливаться по залу с бокалом сидра тамошний монарх просто не мог, он статуей сидел на троне и милостиво принимал восхваления и подарки. Да что там праздник, он и в работе был очень ограничен всеми этими условностями!

Для Рауля же по сути мало что изменилось в сравнении с прежним опытом светской жизни. Изображать спокойную благожелательность в свете было положено всем, и это как никогда не нравилось кабальеро Браво де Кастильо, так и продолжало не нравиться королю Раулю. Королю даже проще: его поостерегутся провоцировать на дуэль и постараются в его присутствии следить за языком.

Сложно было лишь привыкнуть к новому обращению и не пытаться поискать стоящего за спиной короля, но сегодняшний вечер очень в этом помог.

Наблюдать за происходящем было забавно. Все всё понимали, но делали вид, что понимать нечего, этакий скромный вечер для своих. «Свои» косились друг на друга насторожённо, недобро, все ждали подвоха от всех. Были, конечно, и те, кто искренне веселился, но Рауля они сейчас не интересовали. Разве что королева, которую он старался не упускать из вида надолго, просто на всякий случай.

Предосторожность оказалась нелишней: закончив очередной разговор, он вновь нашёл взглядом супругу, и увиденное его не порадовало. Пришлось срочно менять направление движения.

***

Альба же всё это время наслаждалась происходящим. Первый в её жизни настоящий бал, на котором она была с отцом, оставил смазанное и довольно неприятное впечатление — очень ярко и красиво, но слишком много людей, слишком страшно сделать что-то не так, слишком многое приходилось вспоминать и впервые в жизни пытаться всерьёз использовать. И ладно бы только этикет, но требовалось запоминать множество лиц, «развешивая» их на зазубренных ещё в детстве геральдических древах, искать ответы на странные, с подвохом, вопросы, пытаться не принимать на свой счёт чей-то смех и вообще очень постараться не подвести отца.

За сегодняшний же день она вдоволь набоялась утром, а когда муж на руках вынес её из собора, всё волнение осталось, кажется, где-то там, под высокими холодными сводами Санта Хемина Протектории, чему Альба искренне радовалась: стенам что, они мраморные, они и не такое выдержат!

После церемонии Рауль чинно сопроводил супругу в покои, предоставив возможность освежиться и поесть, и молодая королева окончательно повеселела.

Покои, правда, оказались совсем другими, не её родными, но это не особенно расстраивало. Да, они выглядели довольно скучно — в фамильных цветах, бело-голубые с серебром, непривычно строгие и холодные, — но с этим можно было смириться. Главное, там её догнала Чита, тенью следовавшая за своей госпожой от кареты, и дожидалась верная Пуппа. Которая обрадовалась посвежевшей и повеселевшей воспитаннице и приободрила её новостью, что любимых фарфоровых кукол в покои доставят сегодня же.

После этого Альба позволила снять с себя украшения и церемониальное платье и уже в лёгком, домашнем, с интересом обследовала обе половины — и собственную, и смежную, предназначенную для мужа, который отдыхать не остался, а сразу же куда-то ушёл. Двери не были заперты, но имели задвижки с обеих сторон, и девушка встретила это открытие со смешанным чувством облегчения и неприязни. Хорошо, что при необходимости она могла запереться и побыть одна, но почему-то совсем не радовало, что супруг мог сделать то же самое.

Потом королева с разбегу плюхнулась на широченную кровать, под причитания кормилицы немного повалялась на ней и милостиво одобрила, и только потом уже пошла в уборную.

За обедом Паула с облегчением отметила здоровый аппетит своей воспитанницы, с ещё большим облегчением выслушала рассказ о церемонии. Браво де Кастильо повёл себя ответственно, следуя данной клятве, и Паула в мыслях вознесла жаркую благодарственную молитву

Святой Дочери. Потом кормилица уговорила юную королеву пару часов поспать, да та и не сопротивлялась — бессонная ночь сказалась, ну а потом…

С геральдическими цветами в гардеробе Альбы были сложности, потому что она их не любила, а вот просто нарядных платьев для бала имелось множество. Принцесса обожала вместе с портнихой придумывать новые наряды, перебирая детали и узоры, а отец потакал всем её капризам и не ограничивал в тратах.

Пепельно-розовый шёлк платья с открытыми плечами и пышной юбкой, кружева «серебро с чернью» и шитьё того же тона — Альбе очень по душе была современная мода на кринолины и маленькие рукавчики, а в её детали она никогда не вдавалась и не интересовалась ими, полагаясь исключительно на свой вкус. И собственное отражение в зеркале ей сейчас понравилось особенно: и без того тонкая талия в объятьях корсета была особенно хороша, чёрные волосы красиво спадали на точёные плечи и оттенялись драгоценным гарнитуром — колье и серьгами из белого и серебряного жемчуга, которые хорошо подходили к королевскому венцу из белого золота.

И пусть она уверяла себя, что наряжалась для собственного удовольствия, что ей нравится сознавать себя красивой и видеть отражение в зеркале, но слишком уж сильно занимал вопрос, что скажет её муж теперь. Он же говорил, что ей пойдёт жемчуг!..

С трудом сдерживая нетерпение, Альба встретила супруга в общей гостиной. Она очень старалась сохранять внешнюю невозмутимость, но всё равно почувствовала, как предательски потеплели от удовольствия щёки, когда Браво де Кастильо склонился к её руке для поцелуя и коротко проговорил: «Вы выглядите изумительно, ваше величество!» И он не льстил, он действительно говорил что думал — Альба, как и все одарённые, неплохо чувствовала ложь, да и мимика у него была очень выразительной.

Пока дошли до бальной залы, вокруг собралась свита. Потом была скучная, протокольная часть вечера, когда супруги сидели в резных креслах на возвышении, заменявших в этой сравнительно небольшой зале троны, слушали представления гостей, принимали подарки и заверения в преданности. А потом наконец начался праздник.

Альба очень любила танцы и жалела, что для неё они ограничивались уроками и обществом хорошего, но очень скучного учителя, а здесь… Её внимания искали, ждали возможности пригласить, и юная королева искренне наслаждалась непривычным вниманием, совершенно не задумываясь о его причинах и последствиях. Она же не делала ничего предосудительного, а всё остальное её не волновало.

Впрочем, нет, кое-что всё-таки волновало, но волновало приятно. То обстоятельство, что малознакомый муж танцевал мало и только с ней, грело. Когда он в очередной раз брал её за руку, чтобы повести в круг, внутри непривычно сладко ёкало, и каждый раз не хотелось, чтобы танец этот заканчивался.

Некоторых партнёров тянуло поговорить, но те, кто пытался обсуждать что-то серьёзное, быстро сдавались. Альба никого не одёргивала, не переводила разговор на другие темы, она со всей своей искренностью и непосредственностью их игнорировала и совершенно не слушала. Прямо к чему-то подстрекать никто не отваживался, а разбираться в намёках и иносказаниях юная королева даже не пыталась — она развлекалась и отдыхала, зачем ей серьёзные вопросы?

— Рад видеть тебя в таком хорошем настроении, дорогая кузина, — заговорил Алонсо. Он пригласил её на старинный, скучный танец, где надо было ходить, поворачиваться, взмахивать руками и кланяться, не меняя партнёров, так что возможность поговорить имелась.

— Замечательный праздник! — искренне отозвалась та.

— Утром ты была бледна, ты уверена, что всё в порядке? — хмурясь, спросил он.

— Да когда это было! — легко отмахнулась Альба, плавно поворачиваясь вокруг своей оси и больше увлечённая движениями собственных рук, чем партнёром. — Переволновалась.

— Точно только волнение? — спросил он напряжённо.

— А что ещё?

— Мало ли… Ты подумала над тем, что я вчера говорил? — Алонсо опять попытался поймать взгляд кузины, и на этот раз ему удалось. Но увидел он там совсем не то, чего ждал и на что надеялся.

— О чём именно я должна была подумать? — с весёлым удивлением уточнила она.

— Про переворот. Про то, что генерал Браво де Кастильо и остальные захватили власть, и всё это…

— А зачем мне было об этом думать? — Альба небрежно повела плечом. — Падре всё прекрасно объяснил.

Они разошлись, ведомые танцем, и Алонсо с трудом дождался следующей фигуры и возможности продолжить разговор.

— И что же он объяснил?

— Всё, — отмахнулась королева. Разговор и навязчивость кузена уже начали раздражать, да и танец не относился к числу любимых.

— То есть он поддерживает этот захват власти посторонним человеком?! — проговорил Алонсо зло, дрогнувшим от негодования голосом.

— Не захват, а передачу, — ворчливо отозвалась Альба. — Отец стар, ему тяжело, а Алехандро совершил преступление не только против короны, но и против Церкви, и вообще человеческой природы, как он мог оставаться наследником? А я прекрасно понимаю, что не могу быть хорошей королевой, я этого не умею и никогда не училась. Так кого отец должен был назвать наследником? Тебя, что ли? — бросила она, лишь теперь заметив, что в какой-то момент они прервали танец и сейчас стоят друг против друга, а пары продолжают двигаться вокруг, с любопытством косясь и прислушиваясь. Догонять музыку было уже поздно. — Или именно на это ты и рассчитывал, и теперь злишься?! — сообразила она. — Довольно с меня этого танца!

— Альба, постой! — прянул он следом, поймал кузину за запястье. Но что-то предпринять та не успела, да и сам Алонсо не успел продолжить.

— Будьте добры вести себя достойно, сеньор, иначе мне придётся поучить вас манерам. — Рауль явно не боялся быть услышанным окружающими, голос его прозвучал твёрдо и резко, и если в словах звучало некое подобие просьбы, то в тоне — приказ и угроза.

Альба не заметила, когда рядом бесшумно возник супруг, но искренне обрадовалась его своевременному появлению и почувствовала себя с его поддержкой гораздо спокойнее и уверенней.

Алонсо опомнился, отдёрнул руку, напряжённо и зло глядя на короля, который не дал ему возможности что-то ответить, а продолжил столь же резко и строго, в приказном тоне:

— Прекрасно. А теперь извинитесь.

Кузен отчётливо скрипнул зубами, но продолжать ссору не стал, с поклоном заверил, что никоим образом не желал обидеть прекрасную кузину, и очень сожалеет, если невольно досадил ей. После чего, метнув на Рауля новый яростный взгляд, быстро затерялся среди гостей.

— Всё в порядке, ваше величество?

— Да, вы очень вовремя появились, — искренне заверила Альба, оборачиваясь к супругу. — Мне кажется, кузен вас очень не любит. И даже, кажется, боится.

— Скорее всего, так и есть, — согласился Рауль и предложил ей руку ладонью вниз, уже почти привычным жестом. Между супругами допускалась и большая близость, но на страже морали непоколебимо стоял каркас широкой юбки. — Желаете продолжить танцы или, может быть, выйти в парк?

— В парк! — почти вцепившись в предложенное запястье, поспешно согласилась королева. После разговора с кузеном всё веселье как рукой сняло, и предложение прогуляться было как нельзя кстати.

— Если не секрет, чего хотел от вас кузен? — заговорил Рауль, когда пара степенно вышла на широкий балкон.

— Я не поняла, — призналась Альба. — Он приходил вчера и ругал вас за захват власти. Потом падре объяснил мне кое-что и, кажется, Алонсо это не понравилось. Мне показалось, он злится на вас, потому что сам желал занять это место, — повторила она собственное предположение, аккуратно придерживая юбку, чтобы спускаться по широким мраморным ступеням. Ночь уже опустилась на дворец, густая и пока ещё тёплая, но балкон и лестница были освещены очень ярко, так что Альба заметила недоверчивый взгляд мужа и уточнила: — Что-то не так? Я не права?

— Напротив, вы продолжаете восхищать меня рассудительностью и проницательностью, — отозвался Рауль. — Интересно, что именно объяснил вам отец Валентин.

— Он говорил, что вы надёжный человек и защитите меня, а отец стар, и вскоре он бы всё равно оставил престол. Только я не понимаю, зачем это понадобилось вам. Зачем вообще люди идут в короли? Мне кажется, это ужасно скучно. Отец рассказывал, как проходил его день — сплошные бумаги, планы и неприятные люди. Ладно по рождению нет выбора, но у вас-то он был! Быть генералом, наверное, интереснее… Ну вот что я опять не так сказала?! Вы опять надо мной потешаетесь!

— Простите, ваше величество, я никак не могу привыкнуть к вашей манере рассуждения, — с улыбкой покаялся он. — Она поразительна. Вы умудряетесь задавать потрясающе прямые и простые по форме, но крайне сложные по сути вопросы.

— То есть вы не можете ответить?

— Я попробую. Раз уж вы подняли такую тему, будет кстати кое-что объяснить. Бастия сейчас переживает сложные времена, очень сложные. Ваш отец был хорошим королём, но время, увы, никого не щадит, и в последние годы он… не справлялся со своими обязанностями, если вас не обидит такая формулировка. Когда армия вернулась из похода, оказалось, что за минувшие три года в столице всё очень изменилось. Началось это раньше, но война и слабость короля всё осложнили.

— Пожалуй, я вас поняла, — оживилась Альба. — Знаете, как бывает — человек болеет, но до поры это незаметно, а потом какая-то мелочь вытаскивает всё на поверхность? Король — разум и душа страны — слабеет, и болезни, с которыми она до сих пор успешно боролась, начинают досаждать всё больше. Отец действительно за последние годы очень постарел, — грустно добавила она. — Он скверно спал, несмотря на эликсиры, и совсем не отдыхал, и это не могло не сказаться. Я хорошо помню, каким он был лет десять назад, ещё когда была жива её величество матушка...

— Именно так, — с облегчением подтвердил Рауль. Этого разговора он опасался, и понятливость супруги оказалась приятной неожиданностью. Стоило ещё раз поблагодарить Серхио с его братьями по ордену, которые невольно облегчили королю жизнь.

— Если подумать, я даже рада за отца, — рассеянно продолжила Альба. — В тишине и покое ему, может быть, станет легче. Но я тем более не понимаю, зачем это понадобилось вам, если вы понимаете, насколько это трудно.

— Из чувства долга, — ответил он. — Мы дорого заплатили за победу в войне, и не хотелось бы, чтобы жертвы оказались напрасными. При этом сама война дала нам в руки способ борьбы: за минувшие годы мы сплотились, и так вышло, что среди нас оказались люди со схожим взглядом на вещи. Которые посчитали, что не готовы пустить всё на самотёк, и решили постараться… вылечить больного, — усмехнулся он. — Очень хорошая аналогия. Правда, боюсь… болезни не сдадутся легко. Всё не то что не закончилось, оно только начинается. И, боюсь, разговоры вроде того, который пытался вести с вами Алонсо, это самое меньшее, чего можно ожидать. И я бы хотел попросить вас… Понимаю, что поводов доверять мне у вас нет и вряд ли вы пойдёте за уточнениями ко мне, но у вас есть духовник. Отец Валентин мудрый

человек и, надеюсь, у вас нет сомнений в том, что он желает вам добра. Прежде, чем что-то кому-то обещать или тем более подписывать — советуйтесь с ним.

— Я бы лучше вернулась в Малый дворец, — тоскливо вздохнула королева. — Там, конечно, не было таких весёлых праздников, но мне не нравится то, что вы говорите.

— Увы, такой возможности у вас уже не будет. Нашему больному срочно нужна помощь, и без вас у него нет шансов. — Рауль усмехнулся. — До чего всё же остроумная у вас вышла аналогия! Да, и ещё одна просьба, наверное, тоже неприятная. Вам нужна свита, ваше величество. Не горничная и кормилица, а девушки и женщины высокого происхождения.

— И где же мне их взять? — изумлённо уставилась на него Альба. Но мощёная дорожка, по которой они сейчас шли, освещалась гораздо хуже балкона, только слабыми бирюзовыми огоньками в траве, и мужчина рядом выглядел скорее призраком, чем существом из плоти и крови, а лицо виднелось смутным пятном.

— Честно говоря, понятия не имею, — вздохнул генерал. — То есть я представляю, откуда они берутся вообще, но как быть вам… Разве что присматриваться к окружающим, они сами будут искать с вами знакомства. А впрочем, есть идея. Даже две. Я попробую выяснить, у кого из достойных доверия высокопоставленных дворян есть родственницы подходящего возраста, а вы привлеките к поискам вашу бессменную горничную. Не к слежке за девицами, разумеется, пусть она пообщается с их доверенными служанками. Обычно по слугам очень многое можно сказать об их хозяевах, а ваша Чита, кажется, достаточно смышлёная и бойкая девушка, достойная доверия.

— Откуда вы знаете? Разве вы знакомы? — озадачилась Альба.

— Нет, но было бы странно не разузнать побольше о вашем окружении.

— Ничего странного, я же о вашем ничего не знаю!

— У вас и возможности такой не было, и времени, и необходимости, — возразил Рауль. — Ещё познакомитесь, если захотите.

Альба восприняла это как разрешение задавать вопросы и уже собралась этим заняться, но в последний момент вдруг передумала. Спросить-то можно, но это слишком просто. Куда заманчивей было выяснить всё самостоятельно, аккуратно, а потом ввернуть в разговоре что-нибудь этакое, чтобы удивить супруга. Не рассмешить, как до сих пор, а увидеть его уважение.

Ещё немного они прошли в молчании. В траве заливались цикады, над головой шелестели летучие мыши, свежо пахла сырая трава и приторно-сладко — распустившиеся белые звёздочки вилефки. Неприметная травка ночью обращалась в волшебный ковёр — по её лепесткам перелетали искорки светлячков, привлечённых цветочным нектаром.

Альбе редко доводилось гулять ночами. Никто не запрещал, но её любимцы спали, да и сама принцесса обычно вставала с рассветом и ложилась рано. И уж тем более никогда ей не доводилось прогуливаться по саду наедине с привлекательным мужчиной, и это особенно волновало, рождая ощущение трепетного ожидания… чего-то. Но чего именно — она и сама не понимала. Поцелуя? Наверное, всё же нет. Чего-то более волшебного, необычного, сказочного. И с одной стороны хотелось разобраться, а с другой — прекрасно было вот так молчать, не спеша шагать по дорожке, слушать живую тишину и любоваться звёздами.

— Вам не холодно, ваше величество? — нарушил молчание Рауль.

— Если я скажу «да», вы предложите свой китель или вернуться в зал? — Альба искоса с любопытством глянула на мужчину. Они миновали перекрёсток двух дорожек, на котором имелся фонарь — неяркий, но всё же в его лучах стало отчётливей видно спутника.

— На ваше усмотрение, — улыбнулся тот. — Но вскоре нам в любом случае предстоит вернуться.

— Хочу китель! — твёрдо решила она. — И присесть вот на ту скамейку.

— Желание королевы — закон, — засмеялся Рауль, на ходу отстёгивая шпагу.

Он сознавал, что всё это ребячество и безответственность, но возвращаться в зал тоже не хотел. Юная королева была мила и забавна, с ней было странно, но легко, и Браво де Кастильо уже понимал короля, который вырастил её такой. Не одобрял, но — понимал. Глоток свежего воздуха после общества матёрых хищников и падальщиков, которые в изобилии водились у подножия трона.

Скамейка под изящным ажурным навесом, заплетённым розовыми побегами, оказалась чистой и всё ещё хранила тепло, нагретая солнцем. Альба устроилась на ней, аккуратно расправив платье, и с интересом наблюдала, как генерал снимает мундир. Свет фонаря доходил до скамейки разбавленным, но здесь всё же было лучше видно, чем в остальных пройденных местах парка.

Холодно королеве не было вовсе, но зато было любопытно. Интересовал, конечно, не китель, одежда и одежда, хотя жёсткие витые шнуры аксельбантов она пощупала с интересом, только теперь отметив, что плетение у них разное. А вот на супруга в рубашке взглянуть хотелось. Да и без рубашки и всего остального — тоже.

Смутить её видом обнажённого тела было нельзя, довелось насмотреться на пациентов, но это ведь другое, это не один из сотен больных, а её законный супруг перед Богом и людьми, единственный в своём роде.

Узкие штаны и белая рубашка из тонкого полотна с воротником-стойкой и широкими рукавами на манжетах, несмотря на ночной сумрак, прекрасно подчёркивали великолепную фигуру мужчины — широкие плечи, узкую талию, длинные ноги... С немного отстранённым интересом Альба удовлетворённо отметила, что сложён генерал, кажется, не хуже тех полуобнажённых атлантов, что поддерживали портик королевского госпиталя и считались одним из шедевров скульптуры своего времени. Посмотреть бы на него при более ярком свете!

— А что у вас на руке? — заметила она какое-то тёмное пятно.

— Наваха. Уставом вообще-то не положено, но кто там будет разглядывать!

— Знакомое слово, — неуверенно протянула Альба.

— Это складной нож. Здесь, на севере, их не очень любят, считают оружием черни.

— А можно посмотреть?

— Только, ради Близнецов, осторожнее, она очень острая, — после короткой заминки он всё же вынул нож из крепления.

— Красивая, — рассеянно похвалила Альба, разглядывая нож, осторожно провела пальцем по обуху клинка, повторяя его плавный изгиб. — А как она складывается?

— Позвольте? Вот здесь нужно нажать. Это раскладывать оружие нужно быстро, а потом можно уже не спешить.

— И что, вот таким небольшим ножом можно драться? И прямо против шпаги?

Интерес юной королевы был настолько искренним и живым, что Рауль, который в первый момент хотел уйти от разговора, всё-таки поддержал эту совсем не подходящую для беседы с юной девушкой тему. Но девушка явно не задумывалась о том, что ей не подобает, и генерал сдался. Только на вопрос, можно ли научиться, сослался на недостаток времени и попросил вспомнить об этом разговоре попозже, когда всё войдёт в нормальную колею. И попросил ни к кому больше с этим не обращаться, на что Альба легко согласилась.

Здравомыслие собственной жены Рауль, определённо, недооценивал. Она прекрасно понимала, что никто её подобному учить не станет, да и не хотелось ей ничего такого. Любопытно, но всё-таки это мужское занятие, к которому она никогда не питала склонности. Спрашивала больше для того, чтобы увидеть реакцию мужа, и увиденным осталась довольна: он не начал решительно запрещать, требовать выбросить эти глупости из головы. Да, ушёл от ответа, но это было гораздо лучше лжи и резкости.

Всё же её муж действительно неплохой человек. И это приятно.

Глава 4. Разведка наблюдением

А в бальной зале уход короля и королевы восприняли с большим оживлением, громче зашумели разговоры, разрослись собравшиеся группы. Этот скороспелый брак и коронация и сами по себе были основной темой разговоров в высшем свете Бастии и даже соседних государств, но сегодняшнее поведение виновников торжества добавило пересудов.

Слушая светскую болтовню, Мануэль Рамос де Вега с иронией думал о пользе благородных порывов и о том, что им всем здорово повезло с родословной Браво де Кастильо. Потому что внезапный взлёт его от кабальеро до короля, конечно, вызывал много слов и насмешек, но больше от зависти. Окажись на его месте тот же Хорхе, и ему пришлось бы в разы тяжелее.

Рауля старый кавалерист искренне жалел, потому что прекрасно понимал его нежелание во всё это впутываться. Браво де Кастильо не любил интриг, до недавнего времени не очень-то интересовался политикой и вело его исключительно чувство долга. Ну и в последние дни — нежелание сесть в лужу, то есть сложить голову на плахе.

Выбирать не приходилось, и всё это было обговорено много раз и принято как истина, но совесть всё равно беспокоила старика. Ему всё казалось, что это не совместное решение, а он сам бросил слепого щенка в бурную реку. Не помогало понимание, что о перевороте первым заговорил именно Рауль, что он — взрослый самостоятельный мужчина. Не помогали мысли о том, что в происходящем молодёжь разобралась не хуже него самого, не помогало наблюдение за тем, как потихоньку Браво де Кастильо приобретал среди соратников всё большее влияние. Мануэлю он казался мальчишкой. Им с женой Бог детей не послал, вот и оставалось опекать чужих. А соратники…

Если кто-то из них поначалу ещё затаил обиду и зависть, нет-нет да и примеряя на себя корону, теперь от этих мыслей они отказались. Не стоила овчинка выделки.

Рамос де Вега тоже примерял. Не потому, что хотел править, а потому, что не хотел взваливать этот груз на чужие плечи. Мануэль объективно подходил на эту роль лучше: он носил титул идальго, имел весьма неплохие земли на западе Ластильи, столичной провинции, пользовался уважением среди аристократии и в придворных хитросплетениях всегда ориентировался уверенно. Война, конечно, подкосила его осведомлённость, в эти годы было совсем не до интриг, но за время подготовки переворота удалось наверстать упущенное. Если бы не возраст… Не на девятом десятке нырять в этот дурно пахнущий омут и уж тем более не ему очаровывать юную королеву!

Стар он для этого, безнадёжно стар, и надо уже оставить попытки за всем уследить и всё проконтролировать. Молодёжь прекрасно справляется, так и зачем мешать? В совете и помощи он не откажет, а на большее уже и сил, признаться, не осталось. На интриги, на сложные планы, а тем более на этот проклятый бал!

Но здесь имелось ещё одно важное дело, которое уж точно некому было перепоручить. И приходилось ждать, пока это самое дело наконец найдёт старого кавалериста и заведёт беседу.

— Утолите моё любопытство, дон Мануэль, это была домашняя заготовка или удачная импровизация?

Бесшумное приближение Эстебана Андалеса де ла Марино, гранда Андалии, генерал конечно заметил, потому что именно этого разговора ждал с самого начала бала, но предпочёл вздрогнуть и обернуться, укорив давнего знакомого:

— Нехорошо, дон Эстебан, так подкрадываться к старику, удар же хватит!

— Для старика вы слишком прытки, — отмахнулся тот. — Старики, которых вы помянули, чахнут над мемуарами, а не проталкивают своих протеже на королевский трон.

— А что, разве плохой мальчик? У вас была своя кандидатура на это место? — светски осведомился Мануэль.

— Всевышний с вами! Не люблю, знаете ли, толчеи и суеты. Так что с моим вопросом? Только не нужно убеждать меня в любви с первого взгляда, о которой восторженно шепчутся сейчас дамы, ваш «хороший мальчик» уже в достаточной степени не мальчик, чтобы не совершать таких глупостей.

— Мой дорогой друг, я старше вас на четверть века и овдовел ещё тогда, когда ваш второй сын учился ходить, но с памятью у меня, кажется, дело обстоит гораздо лучше, — усмехнулся он. — Брак по расчёту не подразумевает взаимного презрения, уж вам ли не знать! Или вы полагаете, что даже в сугубо деловом союзе можно спустить наглому юнцу подобное отношение к вашей жене?

— Туше! — гранд Андалия отсалютовал бокалом. — У меня и впрямь нет никакого повода отказывать вашему протеже в благородстве. Осталось понять, насколько он пригоден к мирной жизни, и можно уверенно присягать на верность.

— А у вас имеются сомнения? Надеюсь, скоро вы сумеете их развеять. Вы же намерены присутствовать на завтрашней встрече?

— Завтра… В вас, идальго, я не сомневаюсь, но не будете же вы вечно стоять за его спиной и подсказывать! А какой прок менять одну марионетку на другую?

— Вы настроены весьма скептически, как я погляжу, — рассеянно заметил Мануэль. — Вы же вроде были знакомы с его отцом?

— Вот именно потому, что я прекрасно помню старшего Браво, младший вызывает у меня мало доверия. Тот, помнится, тоже был знатным воякой, но этим его таланты и ограничивались, — неодобрительно поморщился Эстебан.

— Поговорите с королём лично, если моего слова недостаточно, — спокойно предложил Мануэль. — Скажем, если завтра сразу после встречи с главами провинций и их представителями его величество сумеет выделить время на личную аудиенцию.

— Такая высокая честь — и всё для скромного провинциала? — усмехнулся гранд Андалия.

— Полно вам, дон Эстебан, — скривился генерал. — Не стоит столь топорно кокетничать со мной и нарываться на грубую лесть. Мы оба знаем, кто в последние годы управлял всем югом, и это был не бедолага Федерико. А предваряя ваш очередной выпад в адрес его величества, напомню: Браво де Кастильо южанин и вырос в вашей обожаемой Стелии. Вы всерьёз полагаете, что он может не знать о традиционном отношении южан к метрополии и смелых, но глупых грёзах о независимости? И нужно быть совсем уж идиотом, чтобы не понимать: в случае раскола, Эстреда, Мореско и, вероятно, даже Манилья объединятся именно под вашими знамёнами.

— А глупы эти грёзы потому что?.. — с вежливой улыбкой уточнил Эстебан. Ответ на этот вопрос он знал и без собеседника, но всё равно предпочёл услышать от старого знакомца.

— Лишившись железа, монастырей и солдат севера, юг оставит себе единственную дорогу: лечь под Поркетту. Если не по любви и согласию, то покорившись силе. Вперёд севера или после, но результат будет один.

— Наш король рассуждает так же?

— Вы столь настойчиво пытаетесь приписать Браво де Кастильо слабоволие и, по-моему, слабоумие, что невольно возникает вопрос, у кого из вас на самом деле имеются старые счёты к другому. Вы так расстроены казнью Алехандро? Нет, не думаю, самолюбивый лже-принц был куда хуже, и это сложно отрицать. Поддерживали иного претендента на престол? Тоже сомнительно, потому что род Бланко сейчас не имеет, увы, ни одного достойного мужа. Тогда личное? Старший Браво соблазнил вашу жену?..

— Вы забываетесь, идальго! — Эстебан, до сих пор слушавший с лёгкой вежливой улыбкой, бросил на собеседника колючий взгляд.

— О нет, дон гранд, напротив! — засмеялся тот. — Это единственное удовольствие, доступное в моём возрасте: говорить в глаза правду ровно так, как того заслуживает собеседник, не боясь задеть слишком нежные чувства очередного трепетного юнца. А других причин, кроме личных, для такого предубеждения я не вижу. Вы всегда казались мне достаточно разумным человеком, а сейчас ведёте себя как вздорный обиженный мальчишка. Могу лишь порадоваться, что решил для начала поговорить с вами лично, помня редкое упрямство. Мы оба прекрасно понимаем, что у вас два пути: поддержать нового короля или сбежать в Поркетту.

— А если я предпочту последнее?

— Значит, я в вас ошибся, — пожал плечами Мануэль. — Но вряд ли вы настолько глупы, чтобы не понимать, насколько сильно вы будете не нужны новому правителю. Предателей, знаете ли, никто не любит, а его величество Жуан Четвёртый скор на расправу с неугодными.

— Знаете, идальго, мне сейчас почти нестерпимо хочется оставить вас самому разгребать собственные проблемы и спокойно уехать домой в Стелию. И наблюдать оттуда, как вы будете здесь барахтаться.

— Ровной дороги, почтенный дон, — с лёгкой усмешкой кивнул Мануэль. — Только не забывайте оглядываться.

— Вы мне угрожаете?

— Напоминаю. Я человек военный, и время у нас сейчас отнюдь не мирное. В нашем обычае вздёргивать дезертиров на ближайшем суку, — спокойно проговорил он, достал из кармана часы на цепочке, демонстративно взглянул на циферблат и выразительно поцокал языком. — Боюсь, я вынужден вас оставить. Возраст, знаете ли, требует строгого режима. Всего доброго, дон.

Он жестом поманил отиравшегося поблизости бравого молодчика в капитанском мундире и, опираясь на трость, тяжело пошаркал к выходу из зала.

Эстебан Андалес де ла Марино, коротко кивнув на прощание, проводил узкую, но по-прежнему прямую спину старика взглядом. Стоило Мануэлю отойти на пару метров, как шум зала навалился с неожиданной силой. Гранд Андалия растерянно огляделся, но тут же сообразил, что во время разговора их от подслушивания защищал какой-то артефакт. Или тот молодой капитан был из клириков? Эстебан не обратил внимания на знаки различия и сейчас раздосадовано поморщился. Он вообще не любил военные действия и армию, считая подобный метод решения вопросов варварским, а армейских клириков не любил отдельно — ещё и потому, что их сложно было с ходу отличить от простых смертных.

Разговор с Мануэлем Рамосом де Вегой оставил ощущение недосказанности и испорченного настроения. Эстебан очень не любил, когда на него пытались давить, а старик делал именно это, и всё осложнялось тем, что ответить было нечем. Ну право слово, как можно всерьёз ругаться с этой старой развалиной? На него голос-то повышать боязно, рассыплется, и твёрдость речи не вводила в заблуждение: Мануэль был слаб и едва держался. О чём прекрасно знал и не стеснялся пользоваться.

Заговори с ним в таком тоне король, и гранд Андалия в порыве ярости просто хлопнул бы дверью и уехал. Именно поэтому позицию новой власти до него доносил в жёсткой форме Мануэль: они действительно неплохо знали друг друга, и старого идальго Эстебан, несмотря ни на что, уважал. И этот хитрый ход не уважать тоже не мог, как не мог в достаточной степени разозлиться. В общем, оставалось аплодировать точности расчёта. И обдумывать завтрашний разговор с королём — не приходилось сомневаться, что тот обязательно состоится.

Только делать это лучше было в тишине кабинета столичного особняка, чтобы никто не мешал, но уйти с приёма, не спросив разрешения хозяев, было бы оскорблением. Одно дело нелестно высказываться о короле в приватной беседе, другое — такая вот публичная

пощёчина. Нет, Эстебан при необходимость сделал бы это не задумываясь, но сейчас смысла в подобном демарше не видел. Рано. Кнут он видел, осталось выяснит, что за пряник приготовил ему новый король и на что пойдёт ради сохранения добрых отношений с владыкой Юга.

Вряд ли, впрочем, на многое. Мануэль был весьма однозначен в обозначении своей позиции: король желает сохранить Бастию целой, предательства не простит, но за хорошее поведение вознаградит в разумных пределах. Оставалось узнать, насколько отличаются их понимание разумного.

Зерно истины в словах старого кавалериста было. Стоило поумерить скептицизм в отношении нового короля и не отказывать ему так уж с ходу в праве быть неглупым человеком. Его отец, конечно, не блистал мудростью, иначе не закончил бы так свою жизнь, но он и высот таких не достиг — вышел в отставку майором и ничем особенным не отличился. А в тридцать лет командовать корпусом — это более чем серьёзно, и это Эстебан прекрасно понимал даже при всей своей нелюбви к армии. Без протекции, конечно, не обошлось, наверняка тот же Рамос де Вега и поспособствовал, но всё же… Всё же сначала надо познакомиться лично.

А пока оставалось развлекаться наблюдением за присутствующими. За Алонсо Мединой де Бланко, например, за которым гранд следил краем глаза с самой некрасивый сцены во время танца. Один из первых наследников престола, к слову, остальные в ещё более дальнем родстве. И если уж сравнивать, то чего он, Эстебан, привередничает, и правда? Не такой плохой король получался из Браво де Кастильо. Он хотя бы выглядел солидно — по залу не метался, не сталкивался с послами сопредельных государств и не высказывал им что-то с таким напором. Такого бы Алонсо на трон, и вся Бастия станет посмешищем...

Издалека Эстебан, к сожалению, не мог понять, о чём мальчишка говорил с посланцем Поркетты — то ли извинялся за неловкость, то ли ругал, то ли… Нет, вряд ли он настолько глуп, чтобы жаловаться извечному врагу на короля. Но кто знает!

Когда Алонсо отошёл от посла, приключения его не закончились, и гранд Андалия вновь от души пожалел, что стоит стишком далеко. Он был бы не против развлечься, слушая разговор маленького Бланко с уродцем — в конце концов, сегодня же праздник, и нужно веселиться. Шута он тоже не любил, но в этом столкновении определённо поставил бы на него.

***

Медина де Бланко, не подозревавший, что на него почти делают ставки, мечтал сейчас об одном: поскорее отсюда уйти. Но столь грубо нарушить этикет не хватило духу и оставалось только бестолково бродить по залу, то и дело невольно влипая в разговоры — Алонсо казалось, что буквально все присутствующие жаждут сказать ему несколько слов. Немного утешало то, что слова эти по большей части были добрыми и сочувственными, но как же хотелось прекратить это мучение!..

— Ай-ай-ай, как глупо приставать к чужой жене на глазах мужа! Тут не то что рога наставить не получится, свои-то поотшибают! — тихо подобравшись к Алонсо, ласковым и увещевательным тоном доброго священника заговорил шут.

— Как ты посмел такое предположить? — возмутился тот и схватился за шпагу. — Да я тебя сейчас!..

— Ах! Ох! — Шут картинно схватился за грудь и закатил глаза. — Убили! Сеньоры и сеньориты, кровопролитие во дворце, без суда и следствия!

На них начали озираться, и Алонсо, уже пунцовый от злости, стиснул зубы и заставил себя разжать руку.

— Вот ещё, пачкать о тебя, отребье, благородную сталь, — выцедил он.

— А? Что? Уже не убили? — уточнил шут, открыл один глаз, придирчиво осмотрел себя и свои руки. Вытер их сначала об себя, потом — о декоративную портьеру, обрамлявшую зеркало, и обратился к своей жертве уже совсем другим, серьёзно-будничным тоном: — До

чего молодёжь наивная пошла, ужас, всё им объяснять надо. Наедине такие вещи решаются, наедине!

— Да когда она бывает одна! — в сердцах ответил Алонсо, тут же затравленно огляделся, не слышал ли кто, и буркнул, недоверчиво глядя на Чуи: — Откуда такая доброта и советы?

— Ты что, совсем книжки не читаешь? — изумлённо вытаращился тот. — И пьесы не смотришь? Я же шут! Помогать несчастным влюблённым — необходимая часть моей роли! А дразнить рогоносцев — любимая. Вон, глянь, какой бык потопал, и как в двери-то проходит!

— Даже если рогоносец — король? — хмыкнул Алонсо, проводив взглядом «быка» — огромного идальго с севера, чёрного и косматого, с крутым лбом и налитыми кровью глазами под низкими бровями.

Сравнение было остроумным уже как минимум в отношении наружности, а вид его жены, молоденькой смешливой кокетки с пышной грудью в глубоком декольте, которая напропалую строила глазки окружающим мужчинам, заставлял задуматься о том, что внешностью дело не ограничивалось.

— А что король? Старик Федерико не даст соврать, на рогах корона крепче держится, — захихикал шут.

— А не боишься, что он и тебе… рога поотшибает? — улыбнулся Алонсо.

— Мне-то за что? — делано удивился Чуи. — Я же тебя наставляю, а не ему рога! Нет, ну и кто из нас ещё дурак-то, а?

— Не заговаривайся, — сурово нахмурился молодой дворянин, и шут принялся кривляться, изображая покаянные поклоны.

— Простите, почтенный дон, меня ничтожного! Дурак же, что с меня взять! А только я хотя и дурак, но знаю, что рога — они в зверинце водятся, и принцесса их каждое утро одна навещает. Как раз, пока король разговоры разговаривает, самое время ему украшение подобрать.

— Дурак ты и есть дурак, — Алонсо опять помрачнел и начал злиться. — Если бы всё было так просто!

Среди гостей произошло лёгкое волнение — королевская чета вернулась в зал. Генерал на ходу сделал музыкантам знак и повёл супругу в центр зала танцевать, к ним начали присоединяться и другие пары, а Медина де Бланко двинулся к столикам с напитками, кажется намеренный развлечь себя алкоголем.

— Дурак-то я дурак, но я дурак по профессии, — пробормотал себе под нос шут, провожая его насмешливо-довольным взглядом. — А кое-кто — по жизни.

Чуи захихикал над своей любимой остротой, с гиканьем прошёлся колесом по мраморному полу, заставляя случайно попадающихся на пути гостей с проклятьями шарахаться, и пошёл искать себе новую жертву. Некоторые особенно интересные ему люди не танцевали, и именно одного из них Чуи выглядывал особенно старательно.

Однако когда углядел и начал пробираться к нему, стараясь не делать это уж слишком навязчиво и не выказывать своего интереса, закончился танец, и король передоверил королеву одному из своих соратников — или, правильнее, сообщников? А интересный шуту человек решил воспользоваться этим, чтобы поговорить с самозванцем и, видимо, привычно удрать с ненавистного приёма — он всегда так делал.

Первый советник свергнутого короля, Сальвадор Рубио де Рей, был из тех людей, кому по всем канонам стоило бы сбежать первым, как только к его сеньору явились с ультиматумом. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что этот человек безоговорочно предан Федерико, любит и почитает его, и Сальвадор всячески поддерживал этот образ. Но многие не верили маске и полагали, что Рубио де Рей талантливо использовал доверие к нему короля в личных целях, а на самого Федерико ему плевать. Сейчас эти догадки находили явное подтверждение.

Готовясь к этому приёму и тасуя ключевые фигуры, Рауль, Хорхе и Мануэль раз за разом запинались о советника. Потрясающая его наглость настораживала, поскольку кем-кем, а самонадеянным дураком тот не был. Но какую игру он вёл сейчас, они не понимали: не то просто надеялся, что его знания и опыт помогут удержаться и при новой власти, не то… В любом случае этот человек был из числа тех врагов, которых стоило держать как можно ближе.

Рубио де Рей вышел из малозначительного рода идальго, славного теперь лишь тем, что их полученное в незапамятные времена за какие-то смутные заслуги поместье к северу от столицы, Бенойи, граничило с королевскими охотничьими угодьями.

Сальвадор, тогда ещё наследник хозяина, встретился с королём на одной из больших охот, когда в раже погони Федерико попал на земли Рубио де Рей, и случаем этим воспользовался очень ловко. Вряд ли подстроил, короля под кров местного идальго загнала обыкновенная непогода. Скорее, он ждал шанса и сумел его не упустить.

Сначала предприимчивый юноша получил должность секретаря. После, умело сочетая ум, исполнительность и лесть, стал доверенным лицом короля, а там и первым его советником. Поговаривали, в последние годы именно он принимал за Федерико все решения.

Родители его уже давно умерли, но нашлось несколько слуг, хорошо помнивших хозяина. Ничего плохого он как будто не делал, но его побаивались — холодный, спокойный, расчётливый, с пронзительным взглядом, который словно заглядывал в самую душу. Но не за взгляд же цеплять подозрения!

Сейчас ему было сорок три, и выглядел он как книжник, а не истинный бастский дворянин: шпагу держать, кажется, не умел вовсе, при высоком росте отличался худобой и нескладностью, был весьма неловок и даже немного сутулился.

С уверенностью можно было говорить только об одном: он умён, хитёр и себе на уме. По службе двигался ловко, каким-то мистическим образом умудряясь никого не задевать. Отдельным талантом можно было считать то, что к своим годам он не принял участия ни в одной дуэли, которыми чаще всего решались разногласия. Наверное, способствовало этому то, что женщинами Рубио де Рей не интересовался и светские события посещал исключительно редко, только когда на них присутствовал король и отвертеться от приглашения не удавалось.

Ещё до начала бала было очевидно, что разговор с советником состоится. И пусть предсказать его ход никто не мог, но сходились в одном: не пристало королю искать общества подданных самостоятельно, он должен снисходить к просьбам. Особенно с такими людьми.

И Рубио де Рей не разочаровал, подошёл сам, и сам же завёл разговор о том, насколько его беспокоят тяжёлые для страны последствия отгремевшей войны. Эта на первый взгляд острая тема была самым безопасным из политических вопросов: все единодушно соглашались, что проблем много и их нужно решать, а до конкретных замечаний и предложений в таких разговорах не доходило.

Советник польстил командному гению высшего офицерского состава, который позволил в сложных обстоятельствах одержать победу над сильным врагом, потом скромно попросил разрешения представить королю свои предложения по вопросу восстановления страны и видение общей картины. Рауль согласился, что это может быть полезно, и велел подготовить отчёт к завтрашнему вечеру.

— Будет исполнено, ваше величество, — всё ещё королевский советник вежливо склонил голову. — Разрешите задать вопрос? — продолжил он и, дождавшись кивка, проговорил: — Я могу надеяться сохранить своё место?

Этого вопроса Рауль ждал от собеседника, и наверняка тот подошёл именно ради него, так что ответ был готов заранее. И ответ, и пауза перед ним, и сомнение в голосе — простые правила игры, которые легко соблюдать, если однажды уже понял. Рауль знал, что нужно Сальвадору, тот понимал, что Рауль знает, но оба вели этот светский разговор, демонстрируя собе-

седнику спокойствие, владение ситуацией и готовность сотрудничать на выгодных для себя условиях.

— Это будет зависеть от завтрашнего разговора.

В конце концов, разбрасываться опытными людьми глупо, вдруг Хорхе так ничего и не накопает и окажется, что Сальвадор Рубио де Рей просто любит свою службу?

Советник поблагодарил, попросил разрешения покинуть праздник, чтобы подготовиться к завтрашнему разговору лучше, и Браво де Кастильо не видел причин отказывать ему в этом. Обсуждать здесь и сейчас им нечего, говорить с кем-то ещё Рубио де Рей, видимо, не хотел, так зачем задерживать человека?

Кое-кто, впрочем, попытался. Чуи, дождавшись, пока Сальвадор оставит общество короля, буквально бросился под ноги торопящемуся прочь гостю. Тому пришлось невольно остановиться и даже отшатнуться, когда шут, встав на руки, захлопал подошвами сапог друг о друга.

— А вот и наш самый вёрткий из родовитых, самый скользкий из придворных, самый флюгероподобный из постоянных! — возвестил он, кульбитом вернулся на ноги и состроил умильную рожицу, от которой неподготовленных людей передёргивало, а иных впечатлительных девиц и вовсе приходилось приводить в чувство нюхательной солью. Сальвадор Рубио де Рей не повёл и бровью, наблюдая за кривляньями со скучающим вежливым интересом. — Поделитесь рецептом незыблемости, советник! На чём цемент ставите? Кровь девственниц добавляете?

— Многоуважаемый Чуи, вы, кажется, потеряли где-то лучшую половину себя: был дурак, остался полудурок. Целый дурак вряд ли мог придумать такую несусветную глупость и предложить более неустойчивую и бесполезную субстанцию.

— Ну вы-то, надеюсь, целы? Не утратили в бою с нашим бравым королём лучшую часть себя?

— Я бы с удовольствием продолжил этот занимательный диалог, но увы, сейчас мне придётся лишить себя дивного общества. Попробуйте попрактиковаться, например, на его величестве, ему возможно будет интересно с вами познакомиться. Или развлекитесь с кем-нибудь из молодёжи. Всего доброго. — Рубио де Рей коротко склонил голову в знак уважения и решительно обошёл шута.

Удерживать советника тот не стал — пикировки с ним были интересны и доставляли удовольствие, но не в таком настроении. Чуи ясно дали понять, что обсуждать с ним короля не собираются ни сейчас, ни в ближайшем будущем, и намерены решать собственные задачи на основе собственного плана. А значит, тратить время на советника было глупо и стоило поискать других интересных лиц. Стараясь, конечно, избегать короля и его соратников, чтобы, не дай Близнецы, не задались вопросом, зачем вообще во дворце нужен шут.

***

Остаток вечера прошёл исключительно спокойно, на чей-то взгляд — даже слишком скучно. Скептики и хулители «жестокого тирана» были разочарованы, редкий камерный вечер в каком-нибудь из модных салонов проходил с меньшим треском, и пришлось говорить уже об ужасных солдафонах и том, что весь двор скоро станет ходить строем. Но путной страшилки из этого не вышло: слишком велико было ожидание кровавой расправы, и её отсутствие оставило смешанный осадок облегчения, обиды и разочарования, поэтому бояться по ещё менее значительным поводам мало у кого получалось.

Венценосная чета оставила подданных за час до полуночи. Альба к тому времени успела от души натанцеваться и устать, так что приняла предложение оставить гостей веселиться дальше с воодушевлением.

Которое, однако, заметно сдулось, когда зал остался позади, и они в сопровождении небольшой молчаливой свиты направились в покои. Альба вспомнила подзабытое за танцами

обстоятельство, что сегодня день её свадьбы, и теперь ей предстоит закономерное завершение обряда — брачная ночь.

И хотя юная королева прекрасно понимала, что по сути ничего страшного в этом нет, её муж — мужчина опытный и явно не склонный к каким-то гадостям, с каждым шагом становилось всё больше не по себе и всё сильнее холодели руки от волнения. Да, он привлекателен, и первый и единственный поцелуй в церкви она вспоминала со сладким трепетом, но… как же так? Вот этот вот посторонний малознакомый мужчина увидит её обнажённой, будет трогать и... всё остальное?

Всю дорогу Альбу качало от любопытства и тревожного предвкушения к страху и малодушному желанию запереться в комнате и подпереть дверь чем-то тяжёлым, а если вдруг муж попытается её открыть, то непременно кричать и звать на помощь, и пусть попробует не остановиться! И к концу дороги её до того раскачало, что едва держали ноги. А когда свита у самых покоев раскланялась и супруг своей рукой открыл дверь, пропуская Альбу внутрь, она сделала шаг, но тут же от неожиданности отпрянула назад, лишь чудом не вскрикнув. Налетела на идущего следом генерала, а когда тот машинально поймал её за талию и на мгновение прижал к себе, — испугалась ещё больше и отшатнулась уже от него.

— Бруно, ты бы ещё из-за угла выскочил, — неодобрительно выговорил Рауль причине испуга, выпустив жену, но проводив её насторожённым взглядом. Не упала бы всё-таки, а то она как-то подозрительно вновь побледнела!

— Виноват, дон Рауль! — браво гаркнул тот, отчего Альба снова дёрнулась. Здоровяк в скучной, тёмно-серой военной форме был ростом с генерала и по меньшей мере вдвое крупнее. Седой, грузный, с густыми усами и непонятного цвета глазами, полуприкрытыми набрякшими веками и тенью от кустистых бровей, он походил на старого матёрого медведя и откровенно пугал.

Но пугал, видимо, только Альбу, потому что Чита, замеченная ею погодя, откровенно потешалась в стороне, а кормилица глядела на свою воспитанницу с тревогой и сочувствием, явно не опасаясь незнакомца.

— Ваше величество, помните, мы говорили про окружение? Не беспокойтесь, это оно, — обратился Рауль к юной королеве. — Бруно на первый взгляд впечатляет, но ему можно доверять. Он мой ординарец, считайте камердинер. Ещё есть его помощник Николас, шустрый парень, которого вечно нет под рукой, и адъютант Флавио, вы его видели, — перечислил он, сглаживая неловкость и стараясь немного успокоить разволновавшуюся супругу. — Бруно?

— А! Виноват! Рад служить, ваше величество, — поклонился он.

— Очень приятно, — сумела ответить Альба на удивление ровно, с тем спокойствием, которого не испытывала.

Повинуясь неуловимому жесту командира, ординарец, вновь поклонившись, молча скрылся за дверью на мужскую половину. После этого Рауль обернулся к жене, с коротким поклоном поцеловал её руку и проговорил мягко:

— Доброй ночи, ваше величество.

Альба едва нашла в себе силы кивнуть — в сказанном ей послышалась нешуточная угроза или даже издёвка.

— Пойдём, милая, — кормилица сообразительно подхватила воспитанницу под локоть и увлекла к нужной двери, следом, бросив назад исполненный любопытства взгляд, юркнула служанка.

После этого Рауль на несколько секунд выглянул, чтобы переговорить с караульным, стоящим в декоративной нише чуть в стороне, и только потом прошёл в покои. В общей гостиной повисла тишина.

— Ох, Альбитта, милая, как же я рада, что тебе достался такой замечательный муж! — ворковала Паула, пока они с дочерью в четыре руки сноровисто снимали с королевы платье.

— То есть его-то я знать не могу, — одёрнула она себя, — но по этому его слуге можно судить верно, хороший человек, не лжёт молва. Этот, верно, не обидит, будешь за ним как за каменной стеной…

— Кстати, о слугах, — опомнилась Альба и попыталась отвлечь себя от переживаний. — Чита, присмотрись к горничным здесь, в Большом дворце. Мне нужна свита, а по служанкам…

— И то правда! — подхватила Паула. — Верно говоришь, милая, это ты славно придумала. Я и сама пригляжусь, и Читу научу, как правильно.

— Ой ладно, я и сама прекрасно справлюсь! — отмахнулась та.

— Поговори ещё, — попеняла ей мать. — Ну да это мы после решим. Пойдём, Альбитта, у нас уж всё готово, отдохнёшь в ванне с твоим любимым жасминовым маслом, а я пока причешу тебя, будешь красавица…

Именно сейчас Альба совершенно не хотела быть красавицей, она бы предпочла тишину собственной любимой комнаты в Малом дворце. Но оставалось молчать и терпеть, тревожно поглядывая на дверь в смежную ванну. Мерещилось ей или правда оттуда слышался шум воды? Её супруг наверняка тоже решил освежиться после долгого напряжённого дня, но настолько ли тонкой была дверь?..

Что она ясно видела, так это незапертую задвижку, и вид этот заставлял едва ли не трястись от волнения. Чудилось, что распахнётся дверь и муж явится исполнять супружеский долг вот прямо сейчас. И она тогда, наверное, на месте умрёт от стыда или разобьёт о его голову тот низкий стульчик, на котором сейчас сидит Пуппа...

Конечно, в ванную никто не вломился. Безо всякой спешки, мурлыча себе под нос народные свадебные песни, Паула долго и тщательно расчёсывала длинные шелковистые волосы воспитанницы, потом они с Читой в четыре руки помогли Альбе вымыться так, чтобы их не намочить. Потом, также в четыре руки, нанесли на кожу драгоценный косметический эликсир с нежным цветочным запахом…

Всё это было привычно и обычно не вызывало никаких переживаний. Обычно она наслаждалась запахами и ощущениями, болтала без умолку, расспрашивала о чём-то кормилицу, спорила с Читой, а сейчас — тряслась. Верная горничная поглядывала на свою госпожу озадаченно, а кормилица — с пониманием и теплотой. А когда она в спальне одела Альбу в тончайшую ночную сорочку из нежного шёлка с шёлковыми кружевами, не удержалась от умильного вздоха.

— Какая ты у нас всё же красавица!

Новобрачная в ответ недовольно скривилась и ничего не сказала. Она вообще боялась открывать сейчас рот, потому что чувствовала, что наговорит такого… Чудо вообще, что до сих пор не наговорила, а умудрялась сдерживаться! Хотелось разбить фиалы с притираниями и маслами, закатить безобразную истерику, запереть все двери и потребовать всё это прекратить.

Но Альба молчала. И от понимания, что ничему этим не поможет, и — от предвкушения, пусть не хотела признаваться в этом самой себе. Если бы не любопытство и тот единственный поцелуй, никакие рациональные соображения её бы не остановили, а сейчас…

— Не бойся, Альбитта. Твой муж — хороший человек, он тебя не обидит. Доверься ему!

Паула осторожно, кончиками пальцев обняла её лицо, вынудила наклонить голову и поцеловала в лоб, после чего осенила воспитанницу крестным знамением, поклонилась распятию на стене, поцеловала нательный крест и выскользнула прочь из спальни, тихим шипением понукая дочь.

И Альба осталась одна стоять посреди сумрачной спальни, освещённой несколькими канделябрами. Пламя свечей мерцало и трепетало, и девушка на мгновение ощутила своё родство с ним: дунешь — не станет. Она не знала, кто так расстарался и зачем принёс живой огонь, но последнее сравнение разозлило. Сравнение, и какая-то особенно тревожная атмосфера, которую создавали тёплые огоньки.

— Вот ещё! — тихо шикнула она и топнула ногой. — Не хочу!

Решительно подошла к стене, где при входе в комнату к потолку тянулась пара длинных витых шнурков — один совмещал половинки артефактов в хрустальной люстре и заставлял их светиться, а второй — размыкал. Комнату залил яркий свет, и Альба задула свечи. Проводила взглядом тонкие белые дымки, протянувшиеся к потолку, покосилась на дверь в смежную спальню.

Хороший человек или нет, а посещать супругу генерал явно не спешил.

Пытаясь успокоиться, Альба подошла к занявшей дальний угол этажерке с любимыми куклами. Расправила локоны, пышные юбки. Современные и старинные, в богатых платьях разных эпох, классические и необычные, в древних народных нарядах ближних и дальних земель. Иные выглядели словно дети, с мягкими чертами округлых фарфоровых личиков, другие — скорее как статуэтки взрослых девушек. Игрушками они никогда не были — произведения искусства, и, хотя маленькой принцессе никто не запрещал с ними играть, за всю жизнь она разбила только одну. Это была страшная трагедия, и отец потом принёс точно такую же, сказав, что кукольный доктор её вылечил. Альба не стала спорить, но не поверила: кукла была другой. С тех пор она попросту опасалась брать хрупкую красоту в руки, лишь изредка устраивала с ними чаепития.

Обычно вид фарфоровых подружек успокаивал, но не сегодня. Сейчас взгляды цветных стеклянных или драгоценных глаз злили, казались насмешливыми.

Альба отвернулась от них и подошла к зеркалу, осмотрела своё отражение. Немного покрасовалась, встряхнула волосами, потом в негодовании дёрнула головой и отошла в сторону. Она красива, некуда больше прихорашиваться! Он обязан восхититься ею!

Злясь на собственное волнение и ожидание, Альба плюхнулась на край кровати. Та мягко спружинила, и юная королева, пока никто не видел, несколько раз невысоко подпрыгнула. Потом дёрнулась и испуганно замерла, когда от двери послышался шорох. Мгновение, другое — та оставалась запертой.

Несколько секунд Альба пристально всматривалась в ручку двери, ожидая, что она двинется, но так и не дождалась. Опять решительно встала, сделала несколько шагов ко входу в соседнюю комнату. Замерла, вновь отступила к постели, постояла и со второй попытки решительно подошла к двери, даже взялась за ручку. Но всего через мгновение отдёрнула ладонь и отшатнулась — показалось, что начищенная медь дёрнулась под пальцами.

Показалось.

Негодующе закусив губу, Альба прижалась к двери ухом, но с той стороны царила тишина.

— Я не буду нервничать! — решительно заявила она себе и твёрдым шагом вернулась обратно к кровати. — Нет уж, сеньор генерал, не дождётесь! Только попробуйте явиться! Я вам!.. Я вас!..

Так и не придумав достойной расплаты, Альба отдёрнула одеяло и опять опустилась на постель, огладила ладонью шелковистое бельё. Снова пристально уставилась на дверь, но та молчала.

— Ах так?! — возмущённо прошипела юная королева себе под нос. — Ну и как хотите!

Опять поднявшись, она решительно оттащила к двери стул. Подпирать не стала, поставила боком чуть в стороне, на пути к постели — ровно так, чтобы человек, идущий в том направлении, непременно запнулся впотьмах. И ничего это не по-детски, а он мог бы и не заставлять её волноваться и ждать!

Альба с мрачным удовлетворением дёрнула второй шнурок при входе, и комната погрузилась в густой мрак. Королева медленно, ощупью, добралась до постели и юркнула под одеяло. Прислушалась. В комнате стояла тишина, нарушаемая едва слышным мерным механическим

пощёлкиванием. Через минуту она сообразила, что где-то в соседней комнате тикают часы, наверное, в её собственном будуаре. Больше не доносилось ни звука.

Некоторое время Альба лежала, прислушиваясь к тишине и рисуя в воображении шелест двери, за которым непременно следовал грохот падения и ругань. Но время шло, а тишина оставалась неподвижной. Королева повернулась на другой бок, потом опять, немного поёрзала, устраиваясь поудобнее и убирая волосы наверх, чтобы не мешались. А потом незаметно для себя соскользнула в сон — усталость длинного дня взяла своё.

Проснулась она, как обычно, рано, чуть свет, но не вскочила, а некоторое время лежала, сознавая себя и рассматривая непривычную чужую комнату. Холодные, голубые с серебром обои, белая с серебром мебель. Стул стоял там, куда Альба отодвинула его ночью.

Зря старалась. Муж не пришёл.

Она резко села в постели, спустила ноги на пол. Несколько секунд разглядывала изящные будуарные туфельки, украшенные лебяжьим пухом, потом резко поднялась, проигнорировав их. Начищенный паркет из серого с голубоватым отливом дерева приятно холодил ступни.

Альба подошла к зеркалу, оттянула рубашку назад, так что тонкая ткань чётко обрисовала тело, склонила голову набок.

— Но я ведь правда красивая! Что не так? — спросила она недовольно у собственного отражения. — Он ведь говорил, что я красивая! А вы чего молчите? — перевела она взгляд на кукол. — Улыбаетесь? Смешно вам? — подошла, схватила самую весёлую, белокурого ангелочка в кружевном платье. Несколько мгновений вглядывалась в неживые голубые глаза. — Смешно, значит? Ну так вот посмейся!

Она в ярости изо всех сил швырнула куклу головой вниз. Белоснежный фарфор раскололся со звонким хрустом, брызнул белой крошкой в стороны.

— Альбитта! — ахнула Паула, которая как раз в это мгновение шагнула в комнату. — Милая, ну как же ты так?! Не поранилась? Святая Мария, ты ещё и босиком! О, Всевышний, ну как же ты так? Что с тобой, да на тебе лица нет! — причитая, кормилица обняла воспитанницу за плечи, отвела к постели. — Не поранилась? Или… неужто муж тебя вчера обидел?! — ахнула она.

— Обидел, — процедила Альба.

— Что же он натворил?! — испуганно уставилась на юную королеву Паула.

— Он не пришёл! — воскликнула та и вывернулась из заботливых рук. — Да отпусти ты меня! Всё со мной в порядке! Он посмел не прийти! Да брось ты эту дрянь, платье подай, я пойду в зверинец!

Всё так же босиком Альба прошла в ванную комнату, с наслаждением с силой шваркнув дверью.

— Ох ты ж, Господи, помилуй этих высокородных! — пробормотала Паула, перекрестилась и поспешила кликнуть горничную, чтобы быстро убрала осколки, а сама пошла за платьем.

Когда воспитанница злилась, увещевать и объяснять ей что-то было бесполезно, оставалось переждать, пока выдохнется. Оно может и к лучшему, с живностью своей быстро подобреет. Твари, конечно, проклятущие, но их Альба искренне любила.

И поди пойми, главное, что этот муж там себе думал ночью, что до такого додумался! Не по-людски это и не по-божески, нос от жены воротить в первую ночь, нехорошо. Да и не понятно, с чего? Видно же вчера было, к Альбе он хорошо отнёсся, что же ему не этак? Одно дело если бы поругались, а так?..

Дворцовая девочка прибежала быстро, молоденькая, но расторопная и аккуратная, Паула осталась ею довольна. Потом заглянула Чита и бодро сообщила, что завтрак накрыт, и его величество ожидает супругу к столу. Женщина поблагодарила дочь, но как сообщить об этом воспитаннице, так и не придумала. Можно их вообще за один стол сажать-то?

— Чита, ты вот что… Там другие слуги какие есть?

— Нет, генерал, то есть его величество, всех отпустил, даже дядю Бруно, — бодро сообщила она.

— Оно может и к лучшему, — вздохнула Паула.

— А что случилось? — тут же проявила любопытство дочь. — Поругались они, что ли? И когда успели, — горничная захихикала.

— Ой, потом! Ступай тоже, я Альбе сама помогу. Да не смотри на меня так, ничего такого, не в духе она. Ступай, ступай, а то ж ты, трещотка, язык за зубами не удержишь!

Умывание не очень-то помогло новобрачной взять себя в руки и успокоиться. Бить, правда, больше ничего не хотелось, разве что об голову дражайшего супруга, но это было единственной подвижкой. Ей не хотелось разговаривать, не хотелось слушать причитания верной Пуппы, ей вообще ничего не хотелось! Разве только обнять Снежинку и погладить её забавного малыша, их общество всегда успокаивало Альбу и поднимало настроение, но зверинец пока был далеко.

Королева сбросила сорочку в угол, безжалостно смяв тонкое кружево, поругалась с зеркалом здесь, заочно отчитав мужа. Потом сама причесалась и собрала волосы в простую косу. Паула на такую всегда ворчала, что неприлично и не подобает, но так было проще и удобнее. К тому же кормилица очень любила долго и в удовольствие чесать ей волосы, а терпеть это сейчас никакого желания не было.

К тому моменту, как Альба заставила себя выйти, платье было готово — простое, закрытое, совсем не модное, светло-серое с мелкими голубыми цветочками, без кринолина и почти без подъюбников, да ещё и укороченное, так что к нему прилагались низкие сапожки вместо туфелек. Паула при появлении воспитанницы молча поднялась со стула, и за это молчание Альба была благодарна. Ей ещё предстояло как-то дойти до зверинца и ни с кем по дороге не поругаться, а это было сложно.

То есть невозможно, как поняла она, выйдя в общую гостиную.

Круглый стол в эркере был накрыт на двоих. Через открытые окна, выходящие в сад, лился птичий гвалт и тёплый утренний свет, обещающий погожий день. Тонкие занавески вздымались и опадали от слабого дыхания ветра, который тянул внутрь запахи сада и смешивал их с запахом еды и сильным, горьким запахом кофе.

— Доброе утро, ваше величество, — при её появлении генерал поднялся, отложив тонкую папку с бумагами. — Прошу, — он обошёл стол, чтобы отодвинуть второй стул для супруги.

Альба уже почти гордо отказалась, но запахи приятно щекотали нос и даже как будто тянули за него к столу. Королева резонно рассудила, что обижена именно она, так почему она должна оставаться голодной и страдать? Поэтому молча, не ответив на приветствие, подошла к столу и села на предложенное место.

— Спасибо, вы можете идти, мы сами управимся, — обратился генерал тем временем к Пауле, и та, сделав книксен, тихонько выскользнула за дверь. — Чего вам положить? — светским тоном спросил он.

— Еды, — обиженно бросила Альба, не зная, как себя вести. Вежливый, спокойный, сдержанный — было неловко бросаться на него с упрёками вот так с ходу, но любезничать в ответ не хватало ни выдержки, ни желания.

— Как скажете, — невозмутимо ответил Рауль, накладывая на тарелку всего понемногу. — Кофе?

— Терпеть не могу! — она недовольно наморщила нос. — Какао.

На этом месте он улыбнулся шире, но причину своего веселья опять не объяснил. Альба справедливо заподозрила, что потешается он снова над ней, метнула злой взгляд… И промолчала. Нелепо выдвигать претензии за то, кто как улыбается. Может, у него просто настроение с утра хорошее!

— Приятного аппетита! — пожелал генерал и решительно взялся за завтрак, демонстрируя к хорошему настроению ещё и отменный аппетит.

Ел он, продолжая поглядывать в бумаги. А Альба, последовав примеру супруга, смотрела больше на него, потому что разглядывать гостиную быстро наскучило. Сегодня он тоже был в чёрном мундире, но явно другом, не том, что вчера. Без орденов и алой ленты через плечо, без аксельбантов и пышных эполет, которые заменили строгие погоны, с гораздо более скромным шитьём и явно другой шпагой. На вчерашней Альба заметила большой драгоценный камень, а эта была гораздо проще и без позолоты. Зато к ней добавился короткий кинжал.

— Как вам сегодня спалось на новом месте? — королева первой нарушила тишину.

— Замечательно, но, увы, маловато, — охотно поддержал беседу Рауль. — Ещё бы пару часов, и можно было бы сказать, что я вполне выспался. А вам?

— Вы не пришли вечером! — не выдержала она, проигнорировав вопрос, и метнула на собеседника недовольный взгляд исподлобья. И ещё сильнее разозлилась, потому что он снова улыбался.

— А вы приготовили канделябр? — иронично уточнил супруг.

— Какой ещё канделябр? — не сообразила Альба.

— Ну как же? Встречать меня метким ударом в лоб.

— За кого вы меня принимаете?! — возмутилась она. Но значительно тише, чем могла бы: кстати вспомнился выставленный перед дверью стул, за который стало стыдно.

Рауль посерьёзнел, смерил жену взглядом, налил себе кофе из высокого серебряного кофейника и только потом ответил:

— Видимо, мне следует извиниться за неточность и недосказанность вчера, — задумчиво начал он. — Простите, мне не пришло в голову, что тут возможны какие-то разночтения.

— Где — тут? — растерянно нахмурилась Альба.

— В нашей с вами договорённости. Мы же условились для начала познакомиться поближе, помните?

— Помню, — ещё больше растерялась она и неуверенно кивнула.

Почему-то такой мотив его поведения ей в голову не пришёл. Да вообще ничего не пришло, если честно, не считая обиды на пренебрежение!

— Вломиться к вам в спальню было бы нарушением этой договорённости. Я понимаю, что это традиции, но несколько дней отсрочки ни на что не повлияют.

— Несколько — это сколько? — Альба подняла на него задумчивый взгляд.

— Хотя бы до тех пор, пока вы не перестанете в моём обществе постоянно ждать подвоха и так нервничать, — улыбнулся он. — Ещё какао?

Она слегка поджала губы, отвела взгляд и коротко кивнула. Не объяснять же, что именно сейчас она злится как раз на его тактичность, которую умудрилась неправильно истолковать. А ведь он прав, ещё неизвестно, как бы она повела себя вчера, если бы он действительно явился!

— Некоторые мужчины утверждают, что долгое воздержание им вредит, — рассеянно заговорила Альба через несколько минут.

Рауль не сразу нашёлся с ответом, но с иронией подумал, что начинает привыкать к прямолинейности своей жены: вот, пожалуйста, даже не поперхнулся кофе, спокойно запил и нормально проглотил очередное её неожиданное высказывание.

— Из моих наблюдений, действительно вредит как раз распущенность, — отозвался он наконец. — Да и история помнит немало примеров с бастардами и драматическими изменами, которые приводили к порой весьма трагическим последствиям. Ясно, что не они одни, но они тоже внесли свой вклад.

— Вы рассуждаете словно святой подвижник, — ответила на это Альба, чувствуя от его слов странное раздражение.

Может, просто не могла поверить? Легко быть благородным на словах, а вот на деле?

— Отнюдь, — опять улыбнулся Рауль. — Я просто не люблю создавать себе проблемы там, где их можно избежать.

— То есть вы намерены хранить верность в браке? — уточнила она недоверчиво.

— А вы нет? — он насмешливо вскинул брови.

— Я ещё об этом не думала, — вредным тоном ответила Альба.

— У вас будет возможность определиться, — совсем не обиделся Рауль, а лишь рассмеялся.

Но тут мирный завтрак прервался появлением встревоженной и запыхавшейся Читы.

— Ваши величества, — торопливо, едва ли не на бегу поклонилась она.

— Что-то случилось? — нахмурился генерал.

— Нет, ничего такого, что требовало бы вашего внимания, — горничная замерла в шаге от стола, с мольбой глядя на Альбу.

— Прошу меня извинить, — сообразила королева, поднялась и отошла к Чите.

Та под задумчивым взглядом Рауля что-то торопливо зашептала хозяйке на ухо. Юная королева отрывисто кивнула.

— Моя сумка?..

— Ещё не успели перенести, надо же комнату подобрать, — смущённо пожала плечами Чита.

— Хорошо. Беги за сумкой, я сразу пойду. Прошу простить, ваше величество, срочное дело, — сообщила Альба и вместе со служанкой буквально выбежала из покоев.

Рауль растерянно качнул головой, но удерживать супругу не стал и гоняться за ней — тоже. Охрана во дворце предупреждена, ничего дурного с ней не случится, а куда-то из дворца она вряд ли соберётся. У него же и без королевы полно дел.

Правда, пару мгновений помешкав, он понял, что подгоняет его в первую очередь любопытство, и решительно поднялся из-за стола. За дверью маячил скучающий адъютант, который был быстро проинструктирован и отправлен следом за девушками. И стыдно Раулю не было. Во-первых, это не шпионаж, а страховка, вдруг понадобится помощь. А во-вторых… Разведка в любом деле — первая необходимость, поэтому да, куда уж без шпионажа!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.